Национальная Академия наук Украины
Институт археологии
Крымский филиал
National Academy of Sciences of Ukraine
Institute of Archaeology
Crimean branch

Академия наук Республики Татарстан (Россия)
Институт истории им. Ш. Марджани
Academy of Sciences of Republic Tatarstan (Russia)
Institute of History in honor of Sh. Mardzhani

Казанский (Поволжский) федеральный университет
Институт Истории
Kazan (Volga Region) Federal University
Institute of History

Международный научный семинар

«Керамика Хазарского Каганата (VII–X вв.) и проблема идентификации болгарской керамики в странах Причерноморья и Поволжье»

г. Ялта (Украина) 16 – 20 октября 2011 г.

International Workshop

«Pottery of Khazar's Khaganat (VII–X cent.) and the problem of Identification of Bolgar's pottery in the countries of Black Sea Region and in the Volga basin»

Yalta (Ukraine) 2011, October 16 – 20

ТЕЗИСЫ
ABSTRACTS

Симферополь 2011

Национальная Академия наук Украины
Институт археологии
Крымский филиал
National Academy of Sciences of Ukraine
Institute of Archaeology
Crimean branch

Академия наук Республики Татарстан (Россия)
Институт истории им. Ш. Марджани
Academy of Sciences of Republic Tatarstan (Russia)
Institute of History in honor of Sh. Mardzhani

Казанский (Поволжский) федеральный университет
Институт Истории
Kazan (Volga Region) Federal University
Institute of History

Международный научный семинар «Керамика Хазарского Каганата (VII–X вв.) и проблема идентификации болгарской керамики в странах Причерноморья и Поволжье»

г. Ялта (Украина) 16 сентября – 20 октября 2011 г.

International Workshop «Pottery of Khazar's Khaganat (VII–X cent.) and the problem of Identification of Bolgar's pottery in the countries of Black Sea Region and in the Volga basin»

Yalta (Ukraine) 2011, October 16 – 20

ТЕЗИСЫ
ABSTRACTS

Симферополь 2011

ББК 63.4
М 43

Председатель Оргкомитета с украинской стороны:
к.и.н. Бочаров Сергей Геннадиевич

Председатель Оргкомитета с российской стороны:
к.и.н. Ситдиков Айрат Габитович

М 43 **Международный научный семинар «Керамика Хазарского Каганата (VII–X вв.) и проблема идентификации болгарской керамики в странах Причерноморья и Поволжье»:** Тезисы. – Симферополь, 2011. – 116 с., ил.

ББК 63.4

© Коллектив авторов, 2011

И.А. Аржанцева
(Москва, Россия)

Керамический комплекс аланской крепости хазарского времени Горное Эхо на Северном Кавказе

Аланская крепость Горное Эхо располагается в Кисловодской котловине, территория которой традиционно относится исследователями к западному варианту аланской культуры. Наиболее изученными являются древности западных районов культуры (Кисловодская котловина, Верхняя Кубань, Кабардино-Балкария) интересующего нас хронологического среза. Именно здесь, в первую очередь в Кисловодской котловине, сосредоточено наибольшее количество памятников алан V–VIII вв.: катакомбных могильников и небольших, но хорошо укрепленных городищ-крепостей. Этот регион является опорным для территории Северного Кавказа, как по количеству, так и по представительности исследованных комплексов этого времени. Материалы, полученные в ходе археологических работ на крепости (1995-2006 гг.), позволяют отнести время существования памятника к VII-IX , и, возможно, началу X вв. н.э. Локализация, дата, характер и культурная принадлежность памятника делают его одним из наиболее интересных памятников эпохи Хазарского Каганата на Северном Кавказе. Несмотря на то, что аланская культура Северного Кавказа довольно неплохо исследована и опубликована (особенно это касается Кисловодской котловины), в исследованиях отмечается заметный «перекос» в сторону

погребальных памятников. На фоне подробных и многочисленных исследований и публикаций аланских некрополей и отдельных захоронений и керамики, их спровождающей (Минаева Т.М., 1954; 1971; Афанасьев Г.Е., 1975; 1979;; 1980; 1980а; Ковалевская В.Б., 1981; 1984; 2005; Рунич А.П.,1970; 1975; Савенко С.Н., 1991; Флеров В.С., 1993; Малашев В.Ю., 2000, 2001), работы, связанные с поселенческой керамикой, исчисляются единицами (Чеченов И. М., 1967; Ковалевская В.Б., 1981, 1984; Афанасьев Г.Е., 1975; Биджиев Х.Х, 1983).

Все аналитические работы касались исключительно целых форм сосудов, происходящих из погребальных комплексов, в то время как фрагментированный материал из поселенческих памятников практически не изучался совсем. Керамика крепости Горного Эха на настоящий момент является наиболее полным комплексом поселенческой керамики раннесредневекового периода Северного Кавказа (VIII-X вв), полученный из надежно стратифицированного культурного слоя. К находкам, датирующим культурный слой памятника, относятся бронзовая пряжка (рис. 1 - *13*) и фрагменты амфор и пифоса (рис. 2 - *19, 20*). Пряжка местного северокавказского производства конца VII – VIII вв. (определение И.О. Гавритухина). Фрагменты амфор относятся к амфорам с зональным рифлением и причерноморским амфорам типа 1 (Якобсон А.Л., 1979, С. 72, рис. 43; 3,4; Романчук А.И., Сазанов А.В., Седикова Л.В., 1995, табл. 24, № 99,103), и датируются IX в. Все фрагменты амфор и пифоса обнаружены в верхнем (позднем) слое. К сожалению, в силу ряда причин, комплекс практически не опубликован, исследовательская работа с ним приостановлена, хотя и проделана значительная работа[1]. Керамический комплекс аланского городища Горное Эхо (раскопки 1997 – 2006 гг.) насчитывает около 30 тысяч фрагментов, из которых более 2/3 – неорнаментиро-

[1] Керамическим комплексом Горного Эха в течение нескольких лет довольно углубленно занималась А.М. Ефремова, защитившая в 2000 году дипломную работу по этой теме на кафедре археологии Исторического факультета МГУ. Исследование технологических особенностей комплекса проводилось в лаборатории А.А. Бобринского. Эта во многом успешная работа не была ею опубликована и впоследствии оставлена.

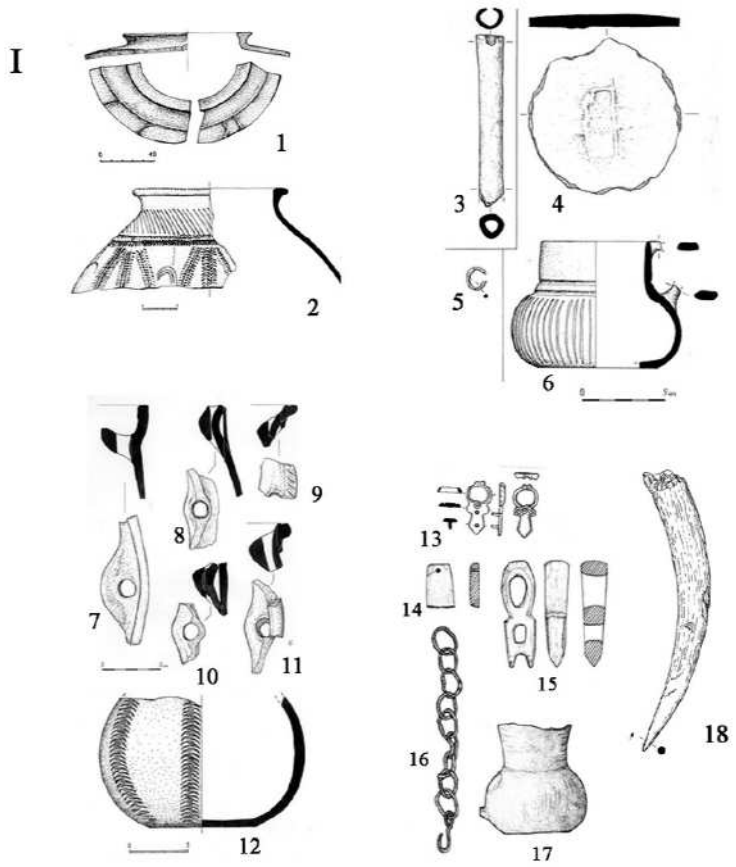


Рис. 1. ГЭ. Материалы основного (VI-VIII вв. н.э.) периода жизни памятника: 1-2 – тарные сосуды; 3 – рукоять; 4 – дно сосуда с клеймом; 5 -кольцо; 6 – кружка; 7-11 – фрагменты котлов с внутренними ушками; 12 – кружка чернолощеная; 13 – пряжка; 14 – фрагмент оселка; 15 – пряжка подпружная; 16- цепь очажная; 17 – кружка; 18 – кочедыг; 1-2, 4, 6, 7-11, 12, 17 – керамика; 3, 15 – кость; 5, 13, 16 – металл; 18 – рог.

ванные стенки. Степень сохранности сосудов различна. Целых форм немного. Зафиксировано несколько развалов сосудов, сконцентрированных в определенном месте. При изучении форм со-

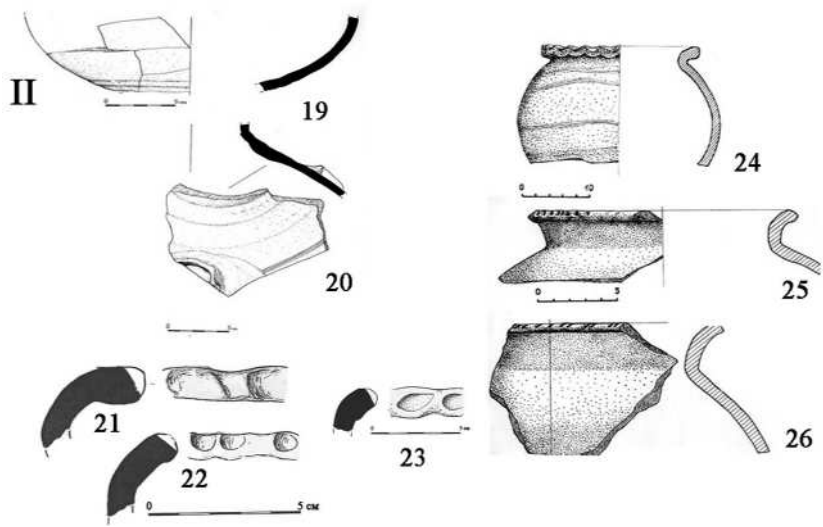


Рис. 2. ГЭ. Материалы позднего (IX-X вв. н.э.) периода жизни памятника: 19-20 – фрагменты амфор и корчаг; 21-26 – горшки «салтовского» облика.

судов использовалась методика С.А. Плетневой (разделение керамического комплекса на функциональные группы), а также методические разработки Д.В. Деопика, связанные с атрибуцией фрагментов по отношению к разновидностям сосудов (Деопик Д.В., 1988).

В силу особенностей отложения культурного слоя на памятнике (развалы каменных сооружений, активные денудационные и склоновые процессы и др.) сравнительное исследование керамического материала по слоям и четкое стратиграфическое деление его в соответствии со строительными периодами крайне затруднено и в ряде случаев пока не представляется возможным. Тем не менее, как будто выделяются две группы керамики, соответствующие двум периодам обживания памятника.

В керамическом комплексе Горного Эха представлены все три основные группы керамики (по функциональному назначению): кухонная, тарная и столовая. Кухонная посуда здесь представлена горшками (наиболее многочисленная группа), глиняными котлами с внутренними ручками и чайниками. В культурном слое городища обнаружена

также кухонная посуда, находящая аналогии в салтово-маяцкой культуре. От основной массы керамики они отличаются более толстыми стенками (0,8-1,7 см), орнаментом и более крупными примесями в тесте. По аналогиям горшки этой группы датируются VIII-IX вв. (Плетнева С.А., 1967, рис. 25) (рис. 2 - *21-26*). Подавляющее число фрагментов этих горшков происходит из позднего уровня, перекрывающего слой «разрушения», зафиксированный на значительной части городища.

Особый интерес представляют находки фрагментов котлов с внутренними ушками, по поводу которых в научной литературе ведется оживленная дискуссия (Кузнецов В.А., 1964, с. 39; Биджиев Х.Х., 1987, с. 40; Флеров В., 1993, с. 230; Биджиев Х.Х., 1983, с. 156; Лопан О.В., 1999). Находки этих фрагментов зафиксированы в слоях, относящихся к основному периоду жизни памятника, датирующемуся VII-VIII вв. н.э.) (рис. 1 - *7-11*).

Наибольшее количество аналогий столовой керамике Горного Эха обнаружено в материалах, происходящих из ближайшего к городищу могильника «Отстойник». Сравнение с посудой этого и других могильников по формам и по орнаменту (в основном, столовой посуды) датирует керамический комплекс серединой VII-VIII вв. В то же время, наличие фрагментов горшков салтовского облика и распределение их преимущественно в позднем слое позволяет предположить его более позднюю датировку. Датировка серединой VII–IX вв. выделяет этот памятник из общего ряда аланских городищ Кисловодской котловины, т.к. большинство из них традиционно датируются V – первой половиной VIII вв.

Список литературы:

Аржанцева И.А. 2007. Каменные крепости алан // СА, № 2, с. 75-88.

Афанасьев Г.Е., 1975. - Поселения VI-IX вв. района Кисловодска. // СА, № 3. С. 53-62.

Афанасьев Г.Е., 1979. - Хронология могильника Мокрая Балка. // КСИА. Вып. 158. М.

Биджиев Х.Х., 1983. - Хумаринское городище. Черкесск.

Биджиев Х.Х., 1987. - Раннесредневековые изваяния Карачаево-Черкессии и сопредельных территорий. // Вопросы археологии и традиционной этнографии Карачаево-Черкессии. Черкесск. С. 27-44.

Деопик Д.В., 1988. - Керамика Центрального Предкавказья в I – IV вв. н.э. по материалам городища Зилги (Северная Осетия). // Материальная культура Востока. Часть II. М., С. 171-220.

Ковалевская В.Б., 1981. - Северокавказские древности. // Степи Евразии в эпоху средневековья. М. С. 83-97.

Ковалевская В.Б., 1984. - Кавказ и аланы. М.

Ковалевская В.Б.2005. Кавказ – скифы, сарматы, аланы. I тыс. до н.э. - I тыс. н.э.

Кузнецов В.А., 1964. - Глиняные котлы Северного Кавказа. // КСИА, вып. 99. С. 34-39.

Лопан О.В., 1999. - Средневековые глиняные подвесные котлы Северного Кавказа и восточноевропейских памятников салтово-маяцкой культуры. Рукопись диплома. М.

Малашев В.Ю., 2000 – Раннесредневековая керамика могильника Клин-Яр III. Вопросы хронологии. // Труды Клин-Ярской экспедиции I. М.

Малашев В.Ю 2001. Керамика раннесредневекового могильника Мокрая Балка. М.

Минаева Т.М., 1954 – Археологические памятники Черкесии. Тр. ЧНИИ, вып. 11, Черкесск.

Минаева Т.М., 1971. - К истории алан Верхнего Прикубанья по археологическим данным. Ставрополь.

Плетнева С.А., 1967 – От кочевий к городам. // МИА, № 142. М.

Романчук А.И., Сазанов А.В., Седикова Л.В., 1995. Амфоры из комплексов византийского Херсона. Екатеринбург.

Рунич А.П., 1974 – Укрепления раннего средневековья в Кисловодской котловине. // АЭС. Нальчик, т. I, с. 95-109.

Рунич А.П., 1975. - Аланский могильник в Мокрой Балке у г. Кисловодска. // МАДИСО, Т. III. Орджоникидзе. С. 132-150.

Флеров В.С., 1993. - О северокавказских котлах с внутренними ушками. // Новое в средневековой археологии Евразии. Самара. С. 224-230.

Чеченов И.М., 1967. – Раскопки городища Нижний Джулат в 1966 г. // УЗ КБНИИ. Т. XXV. Нальчик. С. 192-227.

Якобсон А.Л., 1979 – Керамика и керамическое производство средневековой Таврики. Л.

Борис Борисов
(Велико-Тырнова, Болгария)

Модель для обработки массового керамического материала VIII–X вв.

Предметом настоящей статьи является примерная модель обработки наиболее массового археологического материала – керамики. Разработанная типологическая система испытана и на ее основе обработаны 615 целых глиняных сосудов с 26 средневековых объектов на территории нынешней Юго-восточной Болгарии, а также массовый керамический материал с раскопок 10 средневековых сел, общее количество которых составляет 106 907 фрагментов. Все объекты датируются периодом византийского владычества на болгарских землях (XI–XII вв.).

Типологическая система состоит из двух частей – Типологии целых сосудов (ТЦС) и Типологии фрагментарного материала (ТФМ).

Стратиграфическая обработка массового керамического материала точно датированных закрытых комплексов и горизонтов некоторых поселений (Дядово, Знаменосец, Караново, Искрица, Крум) не только дает возможность хронологической синхронизации отдельных горизонтов и поселений, к которым они принадлежат, но позволяет также дополнять типологию целых сосудов, которые во всяком случае значительно малочисленнее и неравномерно распределены в них. Отсюда в свою очередь повышается качество и значимость ТЦС. Вот почему обе типологии, ТЦС и ТФМ, используются в органическом единстве.

При разработке типологий мы руководствовались необходимостью создания таких моделей, которые бы удовлетворяли основным требования информатики. Это дает возможность создать информационную базу для машинной обработки многочисленного керамического материала.

Разработанные ТЦС и ТФМ отвечают двум основным требованиям: во-первых, имеют открытый характер, т. е. могут дополняться, и во-вторых, позволяют включать себя в более общие программы, обобщающие данные других археологических находок.

Обработка массового керамического материала требует создания единой и строгой системы, по этой причине мы используем в основном статистический метод, с помощью которого получаются наиболее объективные данные.

Одним из основных принципов, на которых построены ТЦС и ТФМ, является единство в терминологии составных частей сосудов. Основные детали, из которых состоят глиняные сосуды, - это горловина, тулово и днище. Горловина со своей стороны состоит из шейки и венчика, а корпус – из плечика и придонной части. ТЦС базируется соотношении абсолютной значимости деталей сосудов. Наличие тех или иных деталей в конструкции сосуда определяет его категорию – горшок, кувшин, миска и др.

Для определения типологической принадлежности отдельных сосудов использованы 9 соотношений различных параметров их конструкции, которые дают полную характеристику всех деталей сосудов. Стоимостные значения отдельных соотношений определяются по пятистепенной шкале, согласно которой, конкретные показатели обозначены количественными определениями:

1. Очень слабо (совсем слабо)
2. Мало (слабо)
3. Средне
4. Большой (сильно) и
5. Очень большой (очень сильно).

Для отдельных степеней определены строго фиксированные цифровые границы, которые имеют различные стоимости, сообразно с конкретными особенностями керамики Юго-восточной Болгарии.

Каждый от девяти показателей характеризует отдельную деталь формы сосудов, исходя из чего определяется и его наименование. 1. Показатель высоты сосуда, который действителен для закрытых сосудов, а для открытых используется Глубинный показатель, 2 – Показатель высоты для горловины, 3 – Показатель ширины для горловины, 4 – Показатель для профиля шейки, 5 – Показатель высоты для тулова, 6 – Показатель высоты для плечика, 7 – Показатель для выпуклости плечика, 8 – Показатель ширины для днища и 9 – Показатель высоты для поддона. Стоимости всех показателей определяются по специальной формуле, а результаты вычисляются по упомянутой пятистепенной шкале.

Для определения типологической характеристики необходимо правильно выбрать устойчивые признаки, которые характеризуют соответствующие категории сосудов. При определении типологической принадлежности «закрытых» категорий – горшки, кувшины, амфоровидные сосуды и подобные им – в качестве устойчивых (типоопределяющих) использованы следующие показатели: показатель высоты (1), показатель ширины для горловины (3), показатель для профиля шейки (4), показатель высоты для тулова (5), показатель высоты для плечика (6) и показатель для выпуклости плечика (7). Эти показатели дают полное представление об общей конфигурации силуэта соответствующей категории. Отдельные типы обозначены римскими цифрами, написанными вслед за инициалами соответствующей категории. Например, горшки, четвертый тип – Г-IV.

Важное место среди типоопределящих признаков занимают и дополнительные детали – ручки, поддоны, носики и др.

Подтип определяется показателем для высоты горловины и обозначается буквами от А до Д, соответствующими пяти степе-

ням, которые определяют высоту шейки. Например, горшок четвертого типа с очень низкой горловиной обозначается Г-IV А.

Вариант определяется пятью степенями показателя ширины для дна и обозначается арабскими цифрами от 1 до 5 в нижнем индексе. Например, горшки четвертого типа с совсем низкой горловиной и очень широким днищем обозначаются Г-IV $А_5$ и т. д.

Для различных категорий сосудов отдельные показатели применяются в зависимости от конкретных особенностей формы, особенно при определении подтипов и вариантов сосудов с поддонами – мисок и некоторых типов кувшинов.

В отличие от «закрытых» категорий сосудов у «открытых» сосудов – мисок, чаш и др. типоопределящими являются иногда лишь два или три показателя, в зависимости от конструкции отдельных типов. Так, например, миски типа I – П-I имеют только два устойчивых признака – глубину и ширину днища, в то время как у более завершенных форм – со средним венчиком и плечиком, количество признаков увеличивается до пяти – например, миски типа III и т. д.

ТФМ разработана на основе фрагментов венчиков, определящих отдельные категории сосудов. В нее входят также фрагменты стенок с орнаментами, представляющими законченную композицию, а также и ручки и днища сосудов.

Обработка массового керамического материала на основе двух типологий ТЦС и ТФМ дает возможность связать определенные детали – типы днищ, ручки, орнамент и др. с определенными типами соответствующих категорий сосудов. Кроме того отдельные типы в ТФМ очень хорошо датированы в ряде поселений и в отдельных горизонтах в них, что в свою очередь позволяет связать их с ТЦС и таким образом делает керамику достаточно надежным датирующим материалом.

С.Г. Бочаров (Симферополь, Украина)
В.Ю. Коваль (Москва, Россия)

Керамика хазарской эпохи в Восточном Крыму[1]

Керамика хазарского времени в Крыму стала предметом археологических исследований более полувека назад. Достоверно установлены многочисленные центры производства амфорной тары и фляг VIII-X вв. (Паршина, Тесленко, Зеленко, 2001), в публикациях приведены формы кухонной и столовой посуды, однако, до сих пор нет данных о соотношении (в процентах) в слоях и иных комплексах групп керамики, различающихся составом формовочной массы, качеством обжига и другими характеристиками технологии производства, морфологии целого сосуда и его отдельных частей, декора. Без этих данных общие описания керамического материала теряют всю свою информативность. Поэтому для получения конкретных характеристик керамических комплексов необходима разработка система статистической фиксации основных признаков технологии, морфологии и декора керамики хазарской эпохи. Для разработки такой системы были избраны коллекции керамики, происходящие из раскопок на территории пгт. Коктебель, на холме Тепсень, где находится одно из крупных раннесредневековых поселений в Юго-Восточном Кры-

[1] Работа выполнена в рамках выполнения программы фундаментальных исследований ОИФН РАН «Генезис и взаимодействие социальных, культурных и языковых общностей» (проект В.Ю. Коваля «Новые данные о культурных связях Руси со странами и народами Востока в эпоху средневековья»).

му, исследовавшегося Восточно-Крымской экспедицией Крымского филиала Института археологии НАНУ в 2003-2008 гг. (нач. экспедиции С.Г. Бочаров), где на площади около 2000 кв. м, собрана обширная керамическая коллекция общим объемом более 10000 образцов. За основу были взяты принципы систематизации материала, базирующиеся на учете признаков способа формовки (вытягивание или использование ленточного налепа), состава формовочных масс (набора примесей к глине), наличия или отсутствия дополнительной обработки поверхности (лощения), морфологии (профилировка венчиков горшков) и орнаментации сосудов. Все эти данные учитываются в электронной таблице (табл. 1). Выделены 4 типа днищ, 7 типов венчиков кухонных горшков (рис. 1), ряд разновидностей орнаментации.

Для примера приведем некоторые данные, характеризующие комплекс из помещения 1 раскопа 13 (2007 г.), в котором собрано 1262 обломка керамики, где керамика, изготовленная ленточным налепом, и «тянутая» присутствовали примерно в равном количестве – 52,3:47,8 %. В составе последней доминировали 2 типа керамики - из формовочных масс без видимых примесей в красножгущуюся глину (39 % всей «тянутой» керамики) и из масс с примесью шамота (36 %). В составе «ленточной» керамики выделяются 3 группы:

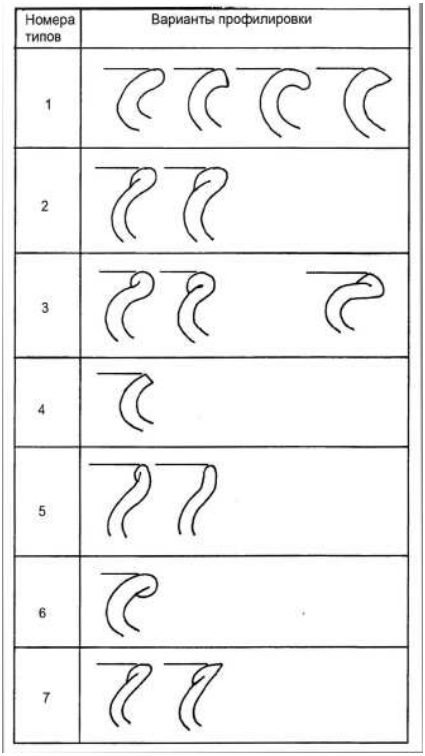


Рис. 1. Типы и варианты венчиков круговых горшков

Раскоп 13. Помещение 1	Неполивная керамика									
	Изготовленная вытягиванием (полного окислительного обжига)									
	Без видимых примесей	С включениями белого цвета	Формовочные массы с примесью мелкого песка				Формов. массы с примесью шамота		Полного окислительного обжига	
			красного цвета на поверхности и изломе			белого или кремового цвета	без включений	с включениями белого цвета	без видимых примесей	с включениями песка
			без включений	с включениями слюды	с включениями белого цвета					
	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
Всего керамики: (штук)	235	0	85	21	42	3	194	23	6	21
в %% к общему итогу	18,6	0,0	6,7	1,7	3,3	0,2	15,4	1,8	0,5	1,7
Днища всего:	12	0	6	0	4	0	3	0	0	2
в том числе: тип 1	11		5		3		2			
тип 2	1				1		1			
тип 3										
тип 4			1							2
Венчики всего:	0	0	0	0	0	0	0	0	0	1
в том числе: тип 1										1
тип 2										
тип 3										
тип 3а										
тип 4										
тип 5										
тип 6										
тип 7										
Горшки с ручками							1			
Амфоры - всего	10		9	5		1	13	1		
в том числе: "причерноморские" вида 1										
"причерноморские" вида 2										
"трапезундской" группы										
Кувшины	10		5		7		1		1	
Кувшины ойнохоевидные	2		2		1					
Кувшины высокогорлые										
Фляги							1			
Пифосы										
Обломки с орнаментацией всего:	6	0	1	0	10	0	0	0	2	8
На стенках:										
линейная орнаментация	6	0	1	0	10	0	0	0	2	8
а) палочкой	1								2	2
б) гребенкой	5		1		10					6
волнистый орнамент	0		0	0	0	0	0	0	0	0
а) палочкой										
б) гребенкой										
отпечатки штампа (гребенки)										
наколы палочкой										
На венчике:	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
а) вдавления										
б) штамп										
в) волна гребенкой										

Таблица 1.

Неполивная керамика													Поливная керамика		Итого по типам
Изготовленная ленточным налепом															
Полного окислительного обжига	Восстановительного или окислительно-восстановительного обжига														
		Лощеная			Без лощения										
										с включениями шамота					
с включениями белого цвета	с включениями шамота	без видимых примесей	с включениями песка	с включениями шамота	без видимых примесей	с включениями песка	с включениями остроугольных зерен кристаллических пород	с включениями песка и ракушки	с включениями белого цвета	крупного	мелкого	с включениями белого цвета (ракушка)	красноглинянная	белоглинянная	
11	12	13	14	15	16	17	18	19	20	21	22	23	24	25	26
0	9	24	1	5	16	280	11	127	45	8	51	55	0	0	1262
0,0	**0,7**	**1,9**	**0,1**	**0,4**	**1,3**	**22,2**	**0,9**	**10,1**	**3,6**	**0,6**	**4,0**	**4,4**	**0,0**	**0,0**	**100,0**
0	**1**	**1**	**0**	**1**	**0**	**24**	**2**	**9**	**6**	**0**	**1**	**1**	**0**	**0**	**73**
				1											22
															3
															2
	1	1				23	1	9	6		1	1			46
0	**1**	**1**	**1**	**0**	**0**	**17**	**1**	**13**	**12**	**0**	**1**	**6**	**0**	**0**	**54**
		1				8		4	6		1	3			24
						5	1	3	2						11
	1					1		3	2			3			10
			1												1
									1						1
									1						1
						1		2							3
						2		1							3
															1
															39
	2	2		1		1									30
															5
															0
															1
															0
0	**4**	**2**	**0**	**0**	**13**	**158**	**7**	**110**	**30**	**0**	**47**	**23**	**0**	**0**	**421**
0	2	2	0	0	13	155	7	94	29	0	38	16	0	0	383
	2	2			1	64	4	15	2			9			104
					12	91	3	79	27		38	7			279
0	0	0	0	0	0	3	0	12	1	0	9	7	0	0	32
								2				6			8
						3		10	1		9	1			24
								1							1
	2														2
0	0	0	0	0	0	0	0	3	0	0	0	0	0	0	3
								2							
								1							

кувшины, обожженные в окислительном режиме (5 %), лощеные кувшины, обожженные в восстановительном режиме (5 %) и кухонная керамика окислительно-восстановительного обжига (90 %), в составе которой присутствовали изделия, формовочные массы которых относились к 3 типам:

– с примесью мелкого песка (47 % кухонной керамики);

– с примесями песка и карбонатов (дробленой ракушки) (21 %);

– с примесью шамота (19 %).

Очевидны существенные различия между сериями керамики, изготавливавшимися вытягиванием и ленточным налепом: если в первой серии преобладали массы без видимых примесей (39 %), то во второй они почти не применялись (6%). Массы с примесями шамота также были более распространены при производстве керамики первой серии (36 %), чем второй (19 %). Зато «тянутая» керамика очень редко изготавливалась из масс с карбонатами (11 %), широко использовавшихся при производстве «ленточной» керамики (36 %). Причем в первой серии карбонатная примесь была представлена в основном известняковыми породами (естественная примесь к глине), а во второй – дробленой раковиной, т.е. искусственной примесью. Интересно, что и примесь песка в формовочную массу гораздо реже применялась при производстве «тянутой» керамики (25 %), нежели в керамике ленточного налепа (48 %). Все это говорит о самых существенных субстратных различиях между группами гончаров, изготавливавших эти 2 серии керамики.

Различия прослеживаются и в иных сферах: днища «тянутой» керамики всегда несли на себе следы срезов ниткой, тогда как среди «ленточной» преобладали днища со следами зольных подсыпок. Вытягиванием изготавливалась только тарная (амфоры) и столовая (кувшины) посуда, тогда как ленточным налепом – в основном кухонная (горшки) и небольшая часть столовой (в т.ч. вся лощеная).

Среди венчиков горшков были особенно распространены самые примитивные формы (тип 1), профилированные формы редки, что свидетельствует о доминировании одной хорошо сформировав-

шейся традиции оформления краев венчиков (рис. 2). «Тянутая» керамика почти не декорировалась (орнамент встречен на 17 обломках такой керамики, составлявшей менее 3 %), тогда как «ленточные» горшки орнаментировалась всегда и по большей части площади стенок (65 % обломков). Самым распространенным был линейный орнамент (91 %), второе место принадлежало волнистому (8 %).

Даже эти самые общие данные показывают, какие широкие возможности открываются в случае применения такой же методики на памятниках иных вариантов салтово-маяцкой культуры, а также при сравнении разновременных комплексов.

Гораздо сложнее ответить на вопрос о датировке представленного комплекса, поскольку для ее определения необходимы сравнительные данные с иными комплексами памятника. Представ-

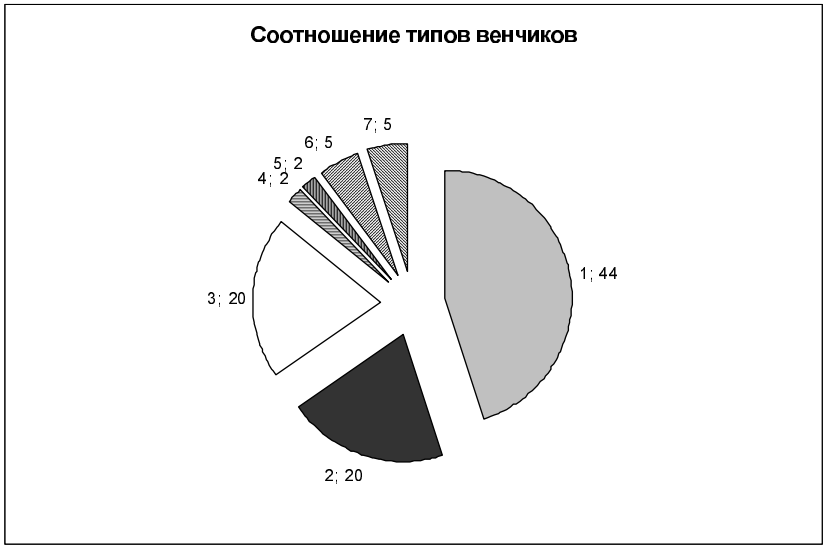


Рис. 2. Диаграммы соотношения керамики разных групп (по способу формовки) и распределения типов венчиков горшков (указаны номера типов и их доля в процентах от общего числа венчиков)

ленный выше комплекс может быть датирован предварительно в пределах IX-X вв. на основании находок обломков амфор «трапезундской» группы (по И.В. Волкову).

Отдельной проблемой является вопрос о связи керамики Тепсеня с гончарством древних болгар, присутствие которых в Северном Причерноморье и, в частности, в Крыму, постулируется некоторыми исследователями (И.А Баранов, В.В. Майко). К сожалению, предполагаемая эволюция лепной керамики болгар-оногуров не прослежена и не доказана на конкретных примерах. Не проводилось и сравнение болгарской керамики, изготавливавшейся в Дунайской Болгарии, Волжской Булгарии, Великой Болгарии на Дону и Кубани, которое возможно только в случае применения статистических методов. В противном случае дискуссия на эту тему рискует остаться в тупике, поскольку сравнение «эмоционально-описательных» оценок керамических комплексов без опоры на конкретные (желательно, цифровые) показатели редко бывает возможным.

Итак, даже самые первые исследования керамики хазарского времени в Крыму показали, что эта керамика достаточно однородна, изготавливалась из стандартной по составу формовочной массы, имела ограниченный набор морфологических и технологических признаков, хотя наряду с ней встречаются и заметно отличающиеся образцы (импорт?). Разумеется, все эти наблюдения не приведут к существенному сдвигу, если не будет получено объемного материала, обработанного по той же программе, т.е. полностью сопоставимого. Только после получения этого материала и проведенного сопоставления разновременных и разнокультурных групп керамики можно ставить вопрос и делать обоснованные выводы об этнической принадлежности (или происхождении) тех, или иных керамических серий, судить об эволюции керамики.

С.И. Валиулина
(Казань, Россия)

Лепная и подправленная на круге керамика из 40 и 41 раскопов Билярского городища

В процессе стационарных раскопок Билярского городища по мере накопления материала лепная керамика неоднократно становилась предметом специального исследования (Халиков, 1973; Кокорина, 1976; Хузин, 1986). Такая востребованность материала была обусловлена возложенными на него двумя основными источниковыми функциями – хронологического репера и этнокультурного маркера. В результате систематизации было выделено 6 групп лепной и подправленной на круге керамики, процентное выражение и соотношение лепной и гончарной посуды в масштабах городища; установлено, что общее количество лепной посуды на разных участках памятника колеблется от 0,5 до 5% с преобладанием керамики с истоками в посуде салтово-маяцкой культуры и прикамско-приуральской (Хузин, 1986).

Раскопами XL и XLI общей площадью 268 кв.м. в центральной части внутреннего города Билярского городища исследовались гончарная мастерская по производству поливной керамики и мастерская алхимика, ювелира и стеклодува (Валиулина, 2005). Следует сразу оговориться, что деление на две мастерские достаточно условно, вероятно мы имеем дело с одним полифункциональным комплексом, такому сочетанию есть примеры (Thiriot, 1997).

Культурный слой на участке обоих раскопов представлен одним горизонтом XII – первой трети XIII вв., имел мощность 45-

50 см, причем большая часть слоя сильно нарушена многолетней глубокой распашкой. Непосредственно под пашней были выявлены и исследованы объекты, большинство из которых имело производственный характер. Датирующим материалом выступает: кашинная поливная посуда с люстровой росписью, минаи, русские стеклянные кубки, стеклянная лампа, зонные бусы из полупрозрачного желтого стекла, бронебойный наконечник стрелы – тип 97 по А.Ф. Медведеву, датирующийся концом XII – началом XIII вв. Несмотря на профиль производственных комплексов и общую датировку объектов, лепная и подправленная на круге керамика в коллекции раскопов представлена достаточно выразительно. С XL раскопа (гончарная мастерская) происходит 257 фрагментов лепной посуды, что составляет 5,7% от общего количества керамики, на XLI раскопе (мастерская алхимика) этот процент значительно ниже – 1,3%. Процентное соотношение лепной керамики гончарной мастерской имеет следующее выражение: 14% – керамика в салтово-маяцких традициях, около 80% – прикамско-приуральская и примерно 7 % – все остальные группы лепной и подправленной посуды.

Керамика с салтово-маяцкими истоками соответствует посуде двух этнокультурных групп Болгара – II и XI (Хлебникова, 1988). Ко II группе относятся несколько фрагментов лепных горшков из теста с примесью шамота, относительно ровного обжига, буро-серого цвета с шероховатой поверхностью. На одном фрагменте отчетливо видны следы заглаживания поверхности пучком травы. Сосуды имели характерное оформление венчика в виде округлых вдавлений по наружному краю. Вдавления не пальцевые, выполнялись палочкой или другим инструментом (Рис. 1, *7*). В Биляре подобная керамика составляет 2,9% от всей лепной (Хузин, 1986, с. 5). В Болгаре образцы II группы происходят из VI и V слоев X – начала XIII веков, при этом Т.А. Хлебникова не исключает, что эта керамика продолжала бытовать в Болгаре и в раннезолотоордынское время (Хлебникова, 1988, с. 17).

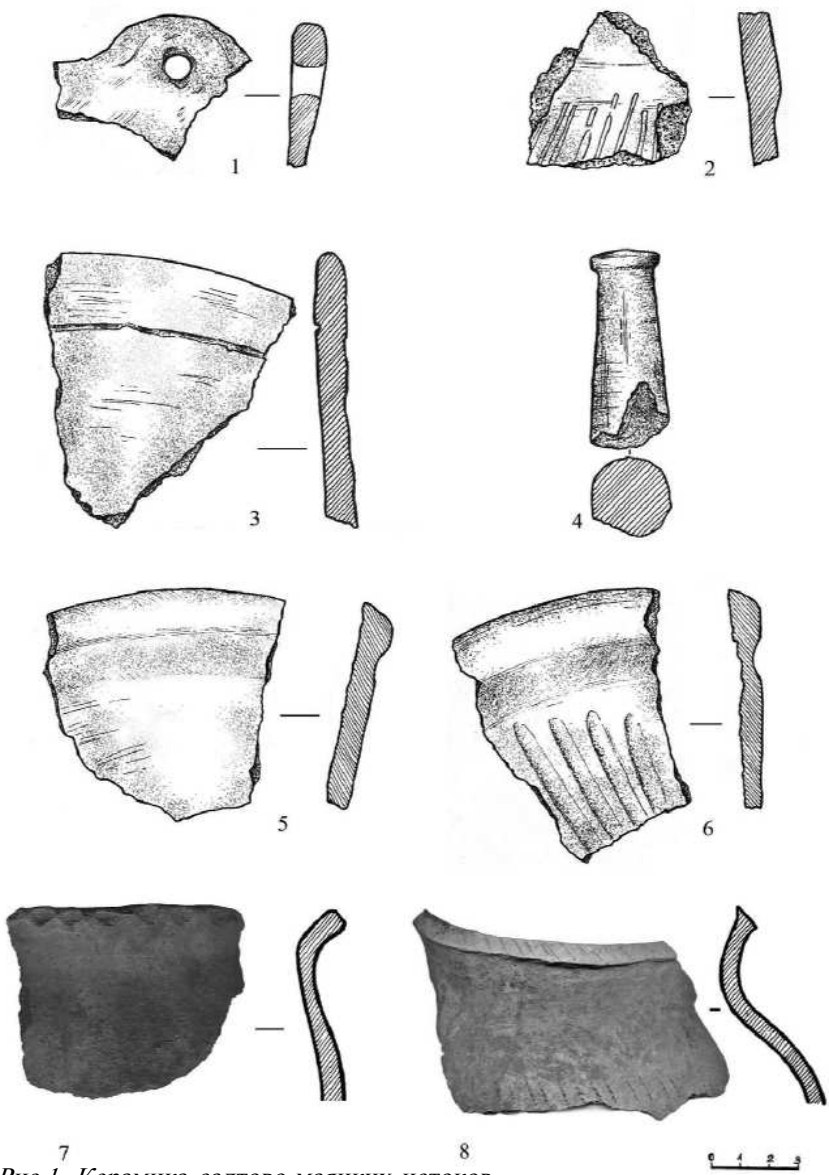


Рис.1. Керамика салтово-маяцких истоков.

Большим числом представлена посуда – горшки, котлы и крышки XI этнокультурной группы Болгара. Это лепная или подправленная керамика грубого теста с примесью шамота, песка или мелкой дресвы, известняка, цвет – желтовато-серый или желтовато-красный (крышки). Горшки этой группы имеют прямой, скошенный наружу венчик с косой насечкой и отпечатки гребенчатого штампа по плечику (Рис.1, *8*).

В Биляре такая посуда достигает 30-31% от всей лепной (Хузин, 1986, с. 11-12). Т.А. Хлебникова отмечает, что эта керамика бытовала в Болгаре на протяжении первой половины домонгольского периода, хотя из 69 образцов только 2 обнаружены в домонгольском слое, а остальные – в золотоордынском (Хлебникова, 1988, с. 21).

О наличии, по крайней мере, одного котла в нашей коллекции говорит находка вертикальной ручки-ушка полукруглой формы (рис. 1, *1*). Ф.Ш. Хузин рассматривает 18 сосудов (Хузин, 1986, с. 14), не сообщая, вошли ли в это число котлы с XVIII раскопа (не менее 10 экз.), исследовавшегося Е.А. Халиковой (Халикова, 1971, с. 5, рис. 68, *3-4*; 70; 71). Котлы с вертикальными ручками известны и на других памятниках: на Муромском городке (Матвеева, 1975, с. 87; рис. 48,а), на VI раскопе (предварительно XIII в.) Торецкого поселения (Валиулина, 2005).

Наиболее выразительны в этой группе массивные крышки (40 фрагментов) в виде плоских или слабовыпуклых дисков диаметром 26-32см с вертикальной пестикообразной ручкой (максимально сохранившаяся высота – 18 см), с углублением или шишечкой на конце (рис. 1, *4*). Из всех булгарских памятников в Биляре отмечено самое большое количество подобных находок (на настоящий момент известно более 1300 экз.) По технологическим признакам крышки отнесены к 4 группе лепной керамики Биляра (Хузин, 1986, с.14) и эта форма отсутствует в составе гончарной посуды Билярского городища (Кочкина, 1986, с. 24-53). В коллекции XL-XLI раскопов 2 пестика – ручка и фрагмент диска крышки являются про-

дукций гончарного ремесленного производства. В Болгаре дисковидные крышки с пестиком – ручкой имеются в составе лепной XI группы и, что особенно важно, в числе I группы керамики ремесленного производства – общеболгарской (Хлебникова, 1988, с. 95, рис. 71, *21-24*).

Истоки производства крупных дисковидных крышек не вполне ясны, в настоящее время к версиям салтово-маяцкого и среднеазиатского происхождения традиции (Хузин, 1986, с. 16) можно добавить и закавказскую.

Основанием для такого предположения могут служить подобные крышки из памятников Грузии – Рустави VI-IX вв. (Рамишвили, 2003, табл. 128, *16*) и Армении – Двин (Акопян, 2008, табл. XVIII, *4*; Жамкочан А., с. 76, табл. XIV, *1-2*). Крышки из Двина в центре могли иметь отверстия для выхода пара, «украшены гравированными волнообразными узорами, врезным крестом и группами врезных линий», крышки выполнены из желто-красной глины с примесями, черепок грубый, обжиг неравномерный, при этом не указывается это гончарные или лепные изделия (Акопян, 2008, с. 35). Двинские крышки происходят из слоя IX-XIII вв. (Kalantaryan …, 2009, p. 141, fig. 43).

Исходя из размеров крышек (диаметром до 38,5см) в Армении эти изделия считаются крышками тонира (тандыра).

В этой связи интересно, что с XL раскопа площадью 60 кв.м. – гончарная мастерская с горном типа тандыра происходит 29 фрагментов крышек, в том числе 8 пестиков-ручек, а с расположенного рядом раскопа XLI площадью 208 кв.м. только 11 фрагментов.

Самым большим числом (почти 80% от всей лепной) в материалах XL и XLI раскопов отмечена прикамско-приуральская керамика или посуда прикамских истоков – VII группа по Т.А. Хлебниковой – с примесью толченой раковины в тесте, темно-серого цвета, преимущественно горшковидной формы с закругленным вовнутрь краем венчика, диаметром от 7,5 до 31 см (рис. 2). Эта посуда на булгарских памятниках существует весь домонгольский пе-

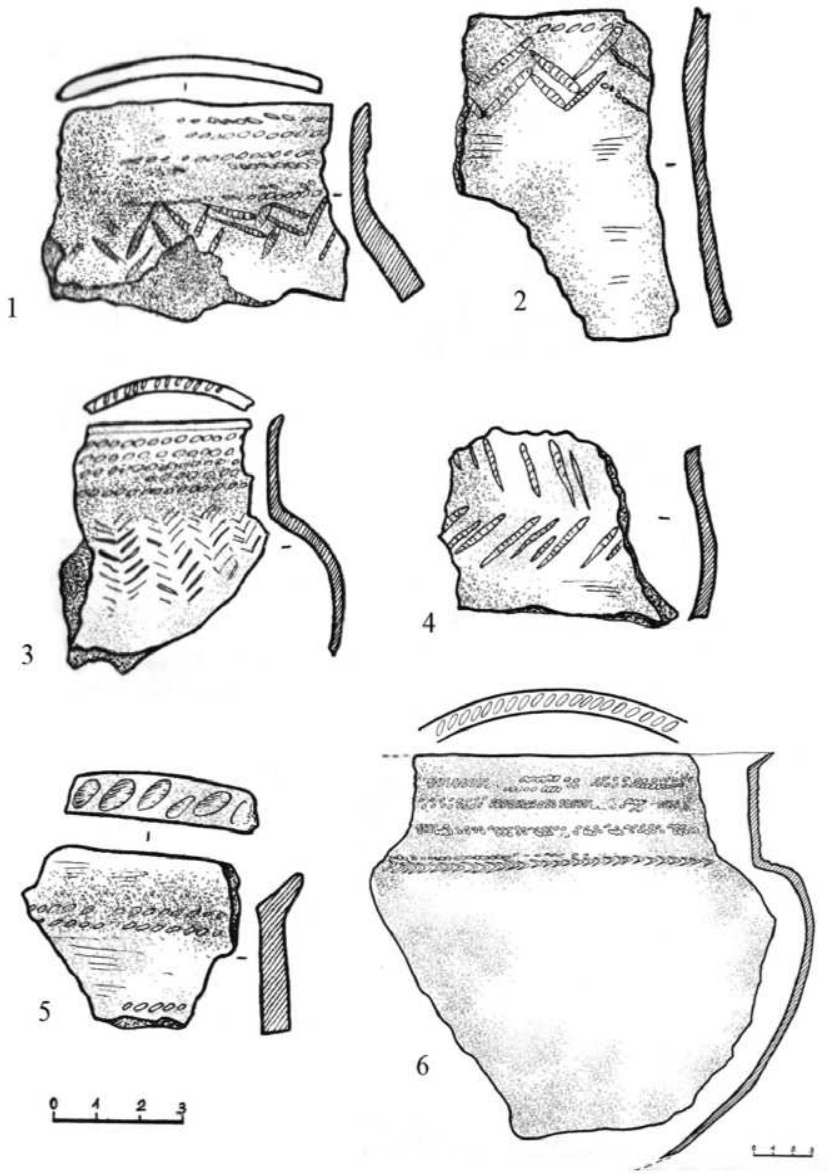


Рис.2. Прикамско-приуральская керамика.

риод. В Болгаре традиция изготовления VII группы керамики продолжается и в золотоордынский период (Хлебникова, 1988, с. 25).

Материалы XL и XLI раскопов позволяют внести некоторые коррективы в картину распространения ведущих групп лепной керамики Билярского городища и, главное, свидетельствуют о бытовании этой посуды в течение всего домонгольского периода, а значит не могут выступать строгим датирующим материалом исключительно в пределах X-XI вв.

Список литературы:

Акопян Н. Раскопки центрального квартала // Двин. IV.Город Двин и его раскопки (1981-1985 гг.). Археологические раскопки в Армении. №24. – Ереван, 2008. – С. 11-54.

Валиулина С.И. Отчет о полевых исследованиях на XL раскопе Билярского городища / Архив ИА РАН. Р.1, №13872. – Казань, 1990. – 68 с.

Валиулина С.И. Отчет о раскопках на Балынгузском (Торецком) III селище в Алексеевском районе Республики Татарстан в 2004 г. / Архив Археологического музея Института истории Казанского федерального университета. Ф.3. – Казань, 2005.

Валиулина С.И. Стекло Волжской Булгарии. (По материалам Билярского городища). – Казань, Издательский Центр Казанского университета, 2005. – 279 с.

Жамкочян А. Раскопки на территории южной башни цитадели // Двин. IV. Город Двин и его раскопки (1981-1985 гг.). Археологические раскопки в Армении. №24. – Ереван, 2008. – С. 55-90.

Кокорина Н.А. Лепная и близкая к ней керамика Билярского городища (по материалам 1967-1971 гг.) // Исследования Великого города. – М., 1976.

Кочкина А.Ф. Гончарная посуда // Посуда Биляра. – Казань, 1986. – С. 24-53.

Матвеева Г.И. Отчет о раскопках Муромского городка в 1974 году / Научный архив Института археологии РАН. Р.1, №5818. – Куйбышев, 1975. – 96 с.

Рамишвили Р.М. Грузия в эпоху развитого средневековья (X-XIII вв.) // Археология. Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху средневековья. IV-XIII века. – М., 2003. – С. 297-320.

Халиков А. Х. О столице домонгольской Булгарии // Советская археология, 1973. – №3.

Халикова Е.А. Отчет о раскопках I Билярского могильника в 1971 г. / Архив Археологического музея Института истории Казанского федерального университета. Ф.3, №3. – Казань, 1971.

Хлебникова Т.А. Неполивная керамика Болгара // Город Болгар. Очерки ремесленной деятельности. – М., 1988. – С. 7-102.

Хузин Ф.Ш. Лепная керамика // Посуда Биляра. – Казань, 1986. – С. 4-23.

Thiriot J. Les fours pour la préparation des glaçures dans le monde méditerranéen // La céramique médiévale en Méditerranée. Actes du VIe Congrès de L' AJFCMZ Aix-en-Provence 13-18 novembre 1995 Narrations ed., 1997. – P. 513-522.

Kalantaryan A., Kalantaryan G., Melkonyan H., Petrosyan H., Hakobyan N., Babayan F., Zhamkochyan A., Nawasardyan K., Hayrapetyan A. Armenia in the Cultural context of East and West. Ceramics and Glass (4th-14th centuries). – Yerevan, 2009.

И.В. Волков
(Москва, Россия)

Керамика салтово-маяцкой культуры как этап эволюции гончарной традиции Северного Кавказа I-XV вв.

Целесообразно рассматривать лощеную керамику (ЛК) не только салтово-маяцкой культуры в узком смысле (второй половины VIII – начала X в. в Подонье и Приазовье), а на большей территории, в более широкой хронологической перспективе. Сам факт использования лощения не говорит ни о чем. Это простейший способ обработки поверхности сосудов, открытие которого наверняка многократно происходило независимо. Невелики перспективы рассмотрения в связи с происхождением культуры Хазарского каганата ЛК черняховской культуры или хорезмской. Больший интерес представляет рассмотрение ЛК тех культур, в которых она может составлять звенья эволюции.

В степях Юга России периоды широкого распространения оседлости сменяются периодами запустения, вернее, господства кочевого уклада. Между ЛК периодов распространения оседлости обнаруживается много общего и с точки зрения технологии, и по набору форм. Следовательно, надо рассчитывать на сохранение традиции где-то в зоне, сохраняющей оседлость во время великого переселения народов, затем – в печенежско-половецкое, затем – в период распада Золотой Орды. Естественно, какая-то оседлость всегда сохранялась по берегам морей, в меньшей степени – крупных рек, но примеры – немногочисленны. Больше возможностей для поиска

непрерывной традиции дает лесная зона, но не столько на севере, сколько на Северном Кавказе, преимущественно в Закубанье.

Для сравнения рационально избрать разновременные следующие памятники: 1. Позднемеотские; 2. Салтовского времени; 3. Домонгольские, преимущественно XII в.; 4. Золотоордынские; 5. Существовавшие после распада Золотой Орды. Хотя финишный этап эволюции лощеной керамики в степной зоне Юга России – XV в., явно она была и позже, но это плохо прослеживается. При общем технологическом родстве ЛК региональные отличия бывают весьма яркими (даже на ближайших памятниках).

Рис.1. Городище Тауйхабль. Венчик крупной позднемеотской сероглиняной корчаги 1-2 – внешняя и внутренняя стороны, снаружи – валик с насечками, изнутри – характерные заплывшие вмятины в месте нажима пальцем при стыковке жгутов (обозначены стрелками); 3 – те же вмятины увеличены; 4 – вертикальный излом, диагональное течение формовочной массы не видно даже при столь ярких признаках скульптурной лепки.

Широкое распространение лощеная керамика получила уже в раннемеотское время. Часть ее формовали с применением скульптурной лепки, часть – с набором признаков РФК-6-7, преимущественно это чаши, с широким использова-

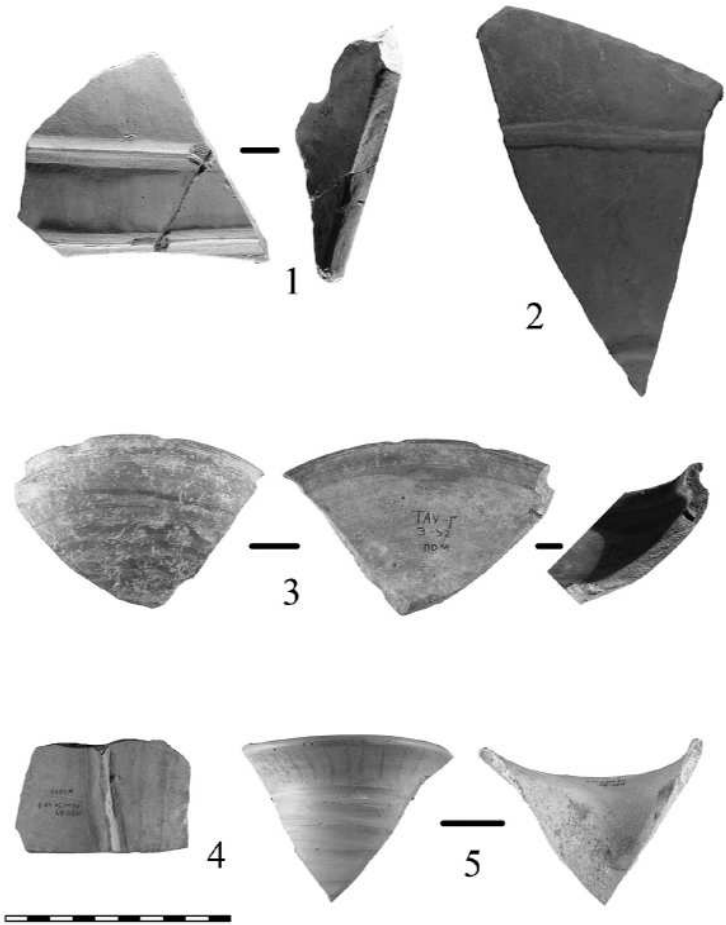


Рис.2. Позднемеотская ЛК городищ Тауйхабль (1-3) и Нововочепший (4-5). 1 – стенка красноглиняной корчаги с двумя горизонтальными валиками, в вертикальном изломе – диагональное течение формовочной массы; 2 – сочетание прямого и волнистого горизонтальных налепных валиков; 3 – миска с горизонтальным лощением на круге, в вертикальном изломе диагональное течение, но венчик вытянут на круге; 4 – стенка корчаги с вертикальными валиком и лощением; 5 – венчик красноглиняного кувшина с сочетанием вертикального и горизонтального лощения.

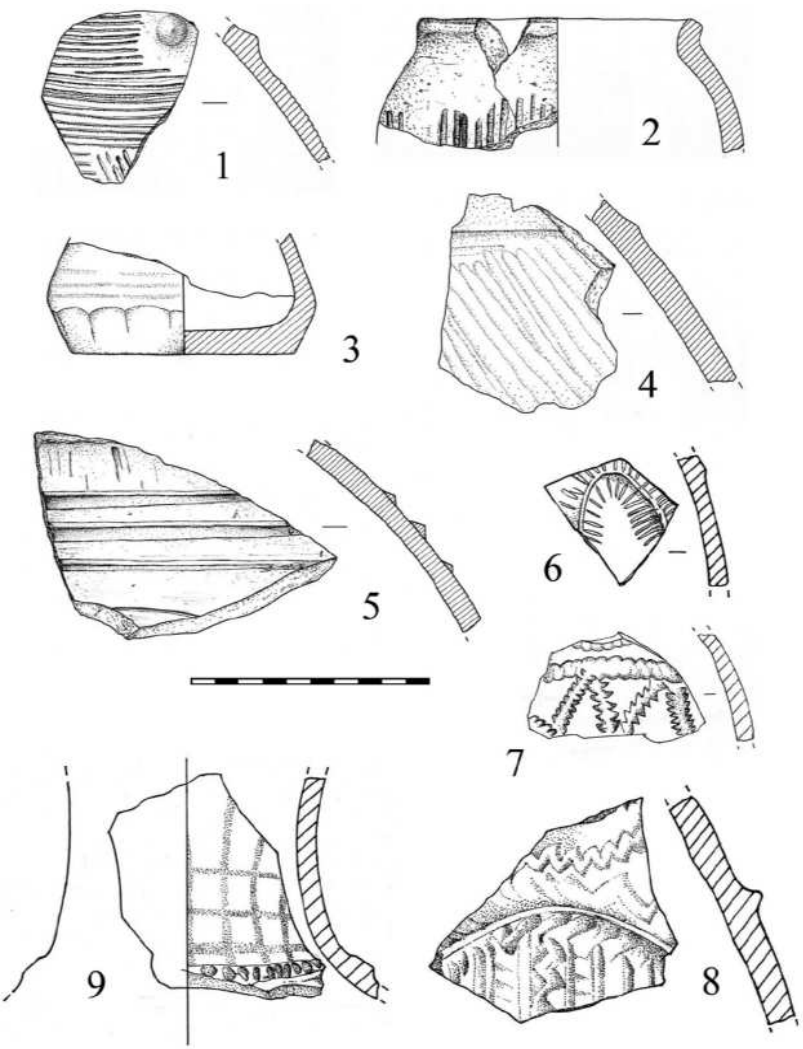


Рис.3. ЛК пос.Молдавановка. 1- с частым лощением и сосцевидным налепом; 2 – лощеный горшок; 3 – «кружка» с опущенным максимальным диаметром тулова; 4 – с налепным валиком и наклонным лощением; 5 – с 3 валиками; 6-8 – с изогнутыми валиками и колнистыми пролощенными полосами; 9 – с валиком с насечками и перекрстным лощением.

нием горизонтального лощения на круге. Группа не вписывается в эволюцию, в противном случае придется признать регресс. Для более раннего времени это признавалось продукцией переселившихся к меотам греков и сильно огречившегося местного населения (Беглова, 1995).

Знакомый мне и имеющийся в распоряжении позднемеотский материал ограничен. К сожалению, действительно представительные коллекции позднемеотских (Тауйхабль, Нововочепший) городищ практически полностью выброшены. (Выражаю искреннюю признательность Л.М.Носковой за предоставление хранимых собственных и иных материалов). Только ненадежные воспоминания свидетельствуют о том, что здесь лощеная керамика была самой многочисленной в слое. В это время (первые вв. н.э.) сохраняется некоторое количество тянутой ЛК, преимущественно мелких форм, которым чаще всего сопутствует горизонтальное лощение на круге. Значительную долю составляла красная (серой сплошного обжига все же больше) с 3-слойным обжигом, сформованная на этапе РФК-3-4. Лощение помимо горизонтального, вертикального и перекрестного могло быть волнистым (горизонтальным, вертикальным, наклонным). Налепные валики использовались широко, с огромным количеством вариаций: горизонтальные в 1 или несколько рядов, вертикальные, спирали, волны, пересекающиеся линии. Часто налепные валики – с наклонной насечкой или пальцевыми вдавлениями. Оставленная на текущий момент часть коллекции – только крупные профильные фрагменты, преимущественно от мелких (столовых) сосудов. Крупные сосуды – всегда с признаками спирально-жгутового налепа, теми же, что встречаются вплоть до XV в.

Раннее средневековье, включая досалтовский пласт отражено с слоях Фанагории (Атавин, 1992, с.173-211). В отличие от памятников Донца и Дона здесь много мисок и горшков с вертикальными ручками. Горизонтального лощения практически нет. В целом же набор форм беднее, хотя вычурность кувшинов – не меньшая, чем в центральных районах Хазарского каганата. Сходную картину дает

Тмутаракань. Салтовское время в Закубанье представлено в частности комплексами Нововочепшийского могильника. Формы – новые и сохраненные старые, но тянутых сосудов (даже мелких) уже нет, все сделано на этапе РФК-3-4, не выше. Серый обжиг доминирует, но разные формы окислительного также есть – желтоватый или коричневый.

Время после крушения Хазарского каганата исследовано очень неполно. На многослойных памятниках, где этот период также представлен, большую проблему составляет узкая датировка из-за перемешанности слоев. Большие площади исследованы в Саркеле и Тмутаракани. Судя по опубликованным амфорам, в Саркеле стратиграфия близка к обратной, а реальная верхняя дата памятника в целом – не ранее середины, XII в. В Тмутаракани ярких комплексов нет, а верхние 4 метра слоя, судя по публикации, полностью перемешаны.

В Закубанье к XII в., преимущественно его второй половине, и, возможно, началу XIII в. относится поселение Молдавановка (до начала раскопок его расценивали как салтовское). Дата поселения определяется по импортным амфорам (Раев, 2001). Очень яркий местный признак формовочных масс – обильная примесь крупных обломков мергеля до 0,5 см в поперечнике. У внешней поверхности зерна часто распадались, образуя крупные поры. Вся керамика здесь, включая лощеную, изготовлена спирально-жгутовым налепом, обжиг – невыразительный 3-слойный, с коричневой или серой поверхностью (слабая контрастность излома может быть связана с подбором специального обжига для формовочной массы с высоким содержанием карбонатов). Присутствуют салтовские черты, например использование сосцевидных налепов; низкое положение максимального диаметра тулова, горшки. На поверхности присутствует горизонтальное, вертикальное и сетчатое лощение, горизонтальные, вертикальные и волнистые налепные валики (количество вариаций приблизительно такое же, как в позднемеотское время).

Здесь же присутствуют и «ближние» (кубанские) импорты – фрагменты «корчаг» и тарных кувшинов с выразительным 3-слойным обжигом и лощением по красному ангобу. Отличить эту продукцию от основной массы лощеной керамики Азова XIV в. практически невозможно. Это существенно для понимания того, что датировка памятников по «продукции Азака» имеет существенные недостатки. Это же – иллюстрация основного источника традиции производства ЛК в золотоордынских городах юга.

Раннее ордынское время представлено на поселениях Северного Приазовья. Закубанской ЛК здесь немного, но присутствует нижневолжская. По крайней мере, в XIII – начале XIV в. существовало производство лощеной керамики на Нижней Волге – из характерной местной запесоченной глины, часто – с белесой поверхностью. Последние десятилетия XIII в. представлены на городище Ангелинский Ерик, где все еще велико количество серой ЛК и весьма разнообразны варианты декора из налепных валиков.

Время расцвета Золотой Орды представлено большой серией памятников, самые крупные из которых – Азак и Маджар. Эволюционные изменения к этому времени незначительны, но они есть. Старые формы упрощаются и унифицируются, появляются новые. Прослеживаются и территориальные отличия. В Закубанье машинное заглаживание практически всегда выполнено хуже: даже на внешней стороне сохраняются вмятины от нажима пальцев при стыковке жгутов.

Узко датированным памятником XV в. является поселение Черный Ерик. Дата определяется по набору импортов на нем и по соответствующему могильнику, где все узко датированные вещи относятся только к XV в. С технологической точки зрения лощеная керамика предельно близка к Азовской XIV в. Отличия касаются в первую очередь местной глины: основа – мелкодисперсная, больше примесь слюды, часты карбонатные включения. Заглаживание – без вмятин на внешней поверхности.

Развитие группы в XV в. не прекращается, но датированных комплексов немного. Многочисленна группа поселений с датой XVII-XVIII вв. на Таманском полуострове, но здесь невозможно определить факт наличия слоев XV-XVI вв. Все же, наиболее вероятно, что какую-то часть местной керамики здесь составляет лощеная, с характерными особенностями местной мелкодисперсной глины, только с красным обжигом, преимущественно сплошным (без выразительной прослойки в средней части излома).

Комплексов более позднего времени с лощеной керамикой пока не встречено, но исключать такую вероятность нельзя.

Список литературы:

Атавин А.Г. Лощеная керамика средневековой Фанагории // Боспорский сборник 1. – М.: НИАЦ «АРХЭ», 1992. – С.173-211.

Беглова Е.А. Керамика Закубанья VI-IV вв. до н.э. – как исторический источник: Автореф. дисс. канд. ист. наук. М., 1995. – 18 с.

Раев Б.А. Отчет о раскопках 2-го участка поселения «Молдаванское 2» в Крымском районе Краснодарского края в 2001 году // Архив ИА РАН.

Павел Георгиев
(Шумен, Болгария)

КУЛТУРНО-ИСТОРИЧЕСКОТО ЗНАЧЕНИЕ НА СВЕТЛОГЛИНЕНОТО КЕРАМИЧНО ПРОИЗВОДСТВО В ПЛИСКА (КРАЯТ НА VIII - ПЪРВА ПОЛОВИНА НА IX ВЕК)

Светлоглинената керамика от Плиска и другите центрове на Първото българско царство е феномен, който привлича все по-често вниманието на изследователите. Тя се различава от останалите групи керамика със своите по-високи технологични параметри, изразяващи се в използване на добре пречистена глина с близък до каолина състав. Друга негова характеристика е източването на формите на бързовъртящо или усъвършенствано ръчно грънчарско колело. Съдовете са главно трапезни: амфоровидни стомни, стомни, „чайници", бъклици и амфори. Гърнетата или паниците-чаши се срещат по-рядко. Естетически съдовете въздействат с гладката си, охрожълта или оранжева до тъмночервена повърхност и това е един от водещите техни признаци.

В зависимост от средствата, с които е постигнат цвета се разграничават три групи. Първата е от съдове, чиято повърхност е със цвета на изпечената глина и тя варира от жълта или бежова до керемиденочервена. Втората група е от съдове, чиято повърхност е покрита с червена ангоба. Третата е от най-съвършенни като изработка съдове. Важен белег в украсата на съдовете от т. нар. Дворцов сервиз са пластично изрязаните полупалмети от двете страни на

техните конзолни основи. Счита се, че светлият цвят на техния черeп се дължи на високото съдържание (средно около 50%) на калциевия оксид, характерен за местните мергелни отлагания. Това доказва тяхната суровинна общност с останалите групи светлоглинени съдове и местното им производство, най-вероятно в самата Плиска.

Обособеността на светлоглинената керамика в технологично и хронологично отношение дава право на изследователите да търсят нейния генезис извън пределите на българската държава. Едни от тях допускат, че тя може да се отдаде „изцяло на местната грънчарска практика в нейния византийски стил и технология след VII век». Други считат, че генезисът на формите и технологията на съдовете от „сервиза" трябва да се търси, както и на съдовете с червена ангоба, в Средна Азия. Подобно на аварската жълта керамика, светлоглиненото керамично производство у нас е било реализирано от майстори-преселници, дошли на Долен Дунав заедно с прабългарите.

Въпреки недоведените докрай типологически и класификационни разработки, както и ограниченото поле на изследване на нейните технологични характеристики, светлоглинената керамика днес предлага сериозни възможности за изясняване на своя произход. Тя е продукт на местно производство, развивано на базата на привнесен или придобит технологичен опит и традиции в морфологията на съдовете и техните детайли. Етнокултурната физиономия на нейните производители обаче остава неизяснен и особеностите на самата продукция предлага ограничени възможности за това.

Важен признак за задълбочаване на нашите представи за производителите са знаците, врязани върху много от съдовете веднага след тяхното изтъчване и на първо място т. нар. ипсилон с хасти. Използван често за означение на продукцията на най-различни производства на Долен Дунав и преди всичко в центровете на българската държава през IX и X в., той се приема за своеобразен „маркер" на „старобългарската култура" от това време. Неговото разпространение в дохристиянско и в християнско време го прави знак на особена религиозна или етнокултурна общност. Кон-

текстът, в който е използван, както и неговата поява още през античността, показва, че той е преди всичко теоним-апотропей с дълбоки корени в близкоизточната култура, който се използва през ранното средновековие на Долен Дунав от особена категория християнско население. Изучаването му в контекста на т. нар. руноподобно писмо, показва, че той има особено значение за адепти на близкоизточния християнски гностицизъм. Неговите идеи пускат корени на Среден и Долен Дунав още през античността.

В близкоизточната християнска култура бялата глина има особено значение. По тази причина тя се ползва за изработване на предмети с апотропейно значение. Тук е мястото да припомня за т. нар. „керамион": отпечатаният върху керемида неръкотворен образ на Христос, основаваща се на сирийския апокрифен текст за т. нар. Легенда за Абгар. Особеното значение на светлата глина от типа на т. нар. cimolia е засвидетелствано у нас от два интересни предмета, които предлагат възможност за разкриване на етно-културната и конфесионална същност на производителите на тези и други подобни изделия на Долен Дунав. Първият е от селището над Абритус и е моделиран като гвоздей (clavis) с рисунка, кръст и гръцки надпис. Вторият паметник представлява въртящ се печат-цилиндър с гръкоезичен текст, намерен в Плиска. Датира се в първата половина на IX в. според характера и палеографията на седемте букви, врязани в позитив върху неговата повърхност. Те съставят надпис, който може да се чете като ORTASIS, т. е. „тържествен", „празничен". Керамичният цилиндър-печат е оформен по традиция, произлизаща от древна Месопотамия и запазила се в християнско време най-вече в Сирия и Мала Азия. Той е бил ползван от общност в Плиска, на която тези традиции са били познати и тя ги възпроизвежда, за да задоволи свои специфични потребности. От Плиска произхождат и други паметници за връзките на българската култура със северносирийската, месопотамската и малоазийската култура от средновековието, като бронзовата седмолъчева розетка-печат, възпроизвеждаща

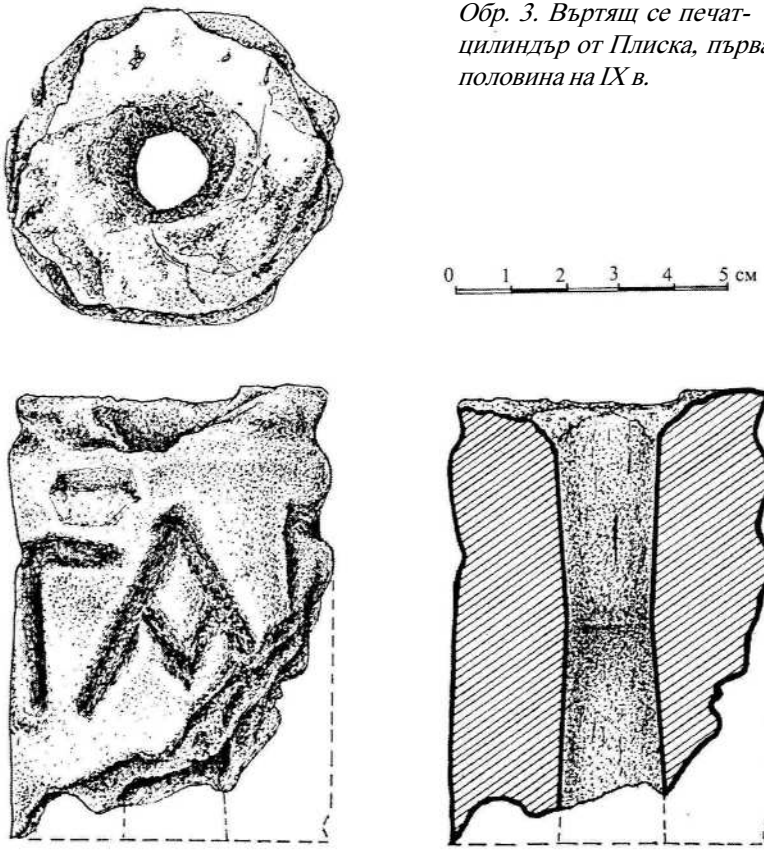
Обр. 1. Амфоровидна стомна от Плиска, разкопки на автора през 2009 г. Първа половина на IX в.

Обр. 2. Съд-амфора от Плиска, разкопки на автора през 2008 г. Първо десетилетие на IX в.

Седмопечатието от Легендата за Абгар или надгробие-криптограма, също от Дворците там.

Разбира се, изложените „некерамични" доводи са недостатъчни да обосноват произхода на светлоглиненото керамично производство от края на VIII и IX в. директно от предноазиатски: сирийски или малоазийски центрове. Те само разкриват идейния контекст в предпочитанията към този тип керамично производство. Същинското решение на въпроса трябва да се търси в общите рамки на етно-културната ситуация на Среден и Долен Дунав през късната античност и ранното средновековие.

Напоследък отново се поставя въпроса за традициите в производството на каолинови съдове от „долнодунавски тип" още през римската и късноримска епоха. Нейното разпространение се ситуира по десния бряг реката в периода от края на II до началото на



Обр. 3. Въртящ се печат-цилиндър от Плиска, първа половина на IX в.

IV в. Най-късните примери за този тип антична кухненска и трапезна керамика датират в VI в., но каолинови съдове се произвеждат и през средните векове. П. Дичек допуска, че те са били произвеждани в същите антични центрове. Каолинови залежи на Долна Мизия или Малка Скития обаче са регистрирани на много места, а въпросът за центровете и формите, в които се съхранява традицията на това керамично производство между VI и IX в. остава неизяснен.

Важен репер за запълване на тази празнина са материалите от некропола и селището от VIII-IX в. край Челарево, Войводина. Сред керамиката от късноаварския период там са и съдове от т.нар. „жълта" керамика: „чайници" и бутилкообразни кани, източени на бързо колело и изпечени до жълто-кафяво или керемидено-червен цвят. Част от тях са с покритие от неустойчив светлочервен оцветител, подобен на червената ангоба върху светлоглинените съдове у нас. Тази керамика от Челарево е непосредствен предшественик или съвременник на светлоглинената керамика от българските центрове, генетично свързан с по-ранната аварска „жълта" керамика. Част от населението, оставило некропола е почитало иудейски сакрални предмети, като менора, лулаб и етрог, представени върху тухли от гробовете, както и лошо запазени иудейски надписи. Това дава основание на някои изследователи да ги свързват с иудео-хазарско население след средата на X в. Р. Бунарджич счита, че това са може би т.нар. халисии от Южна Унгария, за които пише в XII в. Йоан Кинам, който ги определя като съблюдаващи само донякъде т.нар. Мойсееви закони. За население, произлизащо от Хорезм и живеещо край Нови сад съобщава и Унгарският Аноним от края на XII в. Ал-Гарнати от своя страна пише за хорезмийци, които са на служба в Унгария и се представят за християни, макар, че изповядват тайно ислям. Според В. Петрухин, халисиите (хвалисии) са тъждествени с въпросните хорезмийци и имат връзка с население дошло от Хазарския хаганат. В писмото на Хасдай ибн Шафрут (X в.) до хазарския хаган, те изглежда се споменават като „евреи", живеещи в страната Hungrin.

В светлината на данните от некропола при Челарево трябва да се допуска, че корените на това квазииудейско население, произлизащо от страната Хвалисия (Хорезм), датират още преди X век и дори преди идването на маджарите в района. Най-често изселниците от Изтока в Унгария се назовават „хазарани". Така източниците обозначават различни народи от областите между Урал, Волга и северен Кавказ по време и след залеза на Хазарския хаганат и

то трябва да се приема като понятие, съдържащо различни етнически и конфесионални компоненти. Някои стари автори определят "хазараните" на Волга като „халдеи", а Волга за „вавилонска долина" и пр. За gentes qui dicintur Cozar „между Тиса и планината Игфон …" пише Унгарският Аноним.

Пътешественикът от IX в. Елдад Данит определя приуралските и прикавказски маджарски племена като „хазари", сред които се шири номинално иудейството. „Така наречените м.к.ри (Mogeri~Magyari) – пише той - това са потомци на Йонадав, сина на Рехав, и някои древни колена [на древния Израил] живеят заедно с тях отвъд Планините на мрака". Там се намирала „страната на служителите на Бога", която той определя като „междуводие, където живеят Божиите светци и потомството на Неговия раб Авраам". А. Полак отъждествява „Планината на мрака" с окръжаващите Хазария планини Урал и Кавказ. Всъщност това са Карпатите, разположени откъм страната на Залеза (=мрака). Йонадав е библейският преадед на богобоязливите номади, за които споменава пророк Йеремия, а „Междуводието", т.е. Междуречието (араб. Джазира) се отнася в случая за „Месопотамия", но в Карпатската котловина.

Областта, в която източни и други автори ситуират население, наричано „хазари" или „халисии", свързано със старозаветни идеи за културния и религиозен приоритет на Месопотамия с нейните центрове и най-вече с т. нар. Джазира, се е намирала в Западното Прикарпатие. Там именно Ибн-Русте, ал-Гардизи, Худад ал-алам и др. ситуират народа W.n.nd.r, т. е. живеещите на Карпатите оногуробългари. Ал-Хорезми (IX в.) нарича тази страна ал-Бурджан, авторът на Худад ал-алам пише: „Bulghari – это название народа, живущий в гор Bulghari, в северозападной посоки от Рум. Они неверники. Они тоже румийцы, но находятся в состоянии непреривной войны с остальных румийцев. Эти болгары являются горных жителей, имеющия полья и большое количество скот". В „Сефер Иосиппон", също от края на X в., се споменава за население „при границите на България", което еврейският автор нарича направо „карпатци".

Този исторически екскурс позволява да се допуска, че в Карпатския басейн през ранното средновековие са налице етно-културни предпоставки за формиране на средноазиатска керамична култура, изпълнена в духа на изискванията на близкоизточни идеи за производството на белоглинестата керамика от типа на т.нар. „кимолия". Носителите на техническия опит за нейното производство произлизат от население, което играе първостепенна във формирането на българската ранносредновековна култура след края на VIII и особено през IX в. В тази светлина, белоглинестото керамично производство е адекватен, макар и много по-сложен, пример за усвояването на „аварското" наследство в центровете на българската държава, наред с металопластиката, а и други дялове на материалната култура от края на VIII-IX в. Първостепенен фактор за последователното и разгърнато усвояване на това наследство в неговата ширина и възможна дълбочина е променената политическа ситуация на Среден и Долен Дунав по това време.

М.В. Ельников
(Запорожье, Украина)

САЛТОВО-МАЯЦКАЯ КЕРАМИКА ИЗ СТЕПНОГО ПОДНЕПРОВЬЯ И СЕВЕРО-ЗАПАДНОГО ПРИАЗОВЬЯ

Степное Поднепровье и северо-западное Приазовье традиционно относят к неизученным вариантам салтово-маяцкой культуры, несмотря на открытие в регионах ряда памятников салтовского круга. Значительное количество алано-болгарских древностей было выявлено в Надпорожье Днепрогэсовской экспедицией в 1929-1931 гг. Керамический комплекс этих памятников (Вовниги, Перун, Стрелица, Кичкас, курганы 21,26,29 курганной группы «Могила Долгая»), по основным признакам тяготел к канцерскому гончарному центру. Большая часть материала утрачена, что не дает возможности установить, какая доля его относилась к предсалтовскому периоду, а какая – к салтово-маяцкой культуре. Керамика IX – XI вв. многих памятников Степного Поднепровья вобрала в себя как «салтоидные» признаки, так и славянские элементы, что отражает этнически неоднородный состав населения на этих территориях (Сміленко, 1975, с. 169-175; Козловський, 1992, с. 153-156). Это указывает на то, что определенная часть алано-болгарского населения приняла участие в формировании древнерусской культуры региона.

Включение С.А. Плетнёвой Нижнего Поднепровья во II степной Донской и расширение границ III степного Приазовского вариантов салтово-маяцкой культуры (Плетнёва, 2000, с. 12-13, рис. 1), вызвало критику со стороны целого ряда исследователей. В частности А.В. Комар, рассмотрев нижнеднепровские салтовские по-

гребальные памятники (Вильноандриевка, Софиевка, Михайловка, Узвоз, Самаровка, Коломыйци, Попова-Баловка), пришел к выводу об их этнической разнородности и оторванности от «основного салтовского ареала», выступивши против идеи постоянного проживания салтовцев в Поднепровье (Комар, 2004, с. 88-91).

При анализе салтово-маяцкой столовой посуды в рассматриваемом регионе не был учтен целый ряд случайных находок, три из которых обнаружены в Надпорожье. Кувшин конусовидной, слегка приземистой формы с петельчатой ручкой (рис. 1.1) происходит из района балки Терноватая у с. Жовтневое Вольнянского района Запорожской обл. Поверхность сосуда слегка подлощена, обжиг равномерный, черепок желто-оранжевого цвета, тесто хорошо отмучено, без видимых примесей. Венчик слегка отогнут наружу, под венчиком с одной стороны – штамп в виде петельки или трилистника. Невысокая шейка украшена двойными косыми линиями, в нижней части тулова – углубленный линейно-елочный орнамент.

Два кувшина из Надпорожья (точное место не установлено) хранятся в Запорожском краеведческом музее. Первый из них округлой формы с петельчатой ручкой, поднятой над венчиком (рис. 1.2). В центральной части тулова сосуд украшен глубоким зональным линейным орнаментом с косыми насечками. Поверхность с небольшими следами заглаживания, обжиг равномерный, черепок серо-коричневого цвета, в тесте незначительные примеси дресвы. Второй тонкостенный кувшин конусовидной формы с прямой широкой горловиной, сливом и небольшой ручкой (рис. 1.3). «Мажущаяся» поверхность сильно залощена, в хорошо отмученном тесте незначительные примеси дресвы, обжиг черного цвета.

В Нижнем Поднепровье, кроме известных и неопубликованных комплексов, интерес представляют два. Первый их них открыт в 1929 г. Д.Я. Сердюковым на правом берегу «Широкой Балки» у с. - Малая Лепетиха Херсонской обл. В разрушенном погребении исследователем выявлено медную плошку (пиала?) и сосуд. Из описания кувшин хорошего качества, черного обжига, поверхность залощена (Сердюков, 1930, с. 125, рис. 1-3). Кувшин приплюснутой ок-

руглой формы, со сливом, на петельчатой ручке небольшая шишечка. Невысокая шейка украшена зональным линейным орнаментом и вертикальными линиями. В центральной части сосуд покрыт зональным сетчатым орнаментом (рис. 1.4).

Второй комплекс открыт на грунтовом некрополе золотоордынского периода Мамай-Сурка в 2004 г. Погребение 1156 располагалось в юго-восточной части могильника, на его периферии. Над погребением выявлен развал рифленой амфоры крымского производства (рис. 2.1), овальная могильная яма имела подбои с двух торцов (до 0,72 м). Костяк мужчины лежал вытянуто на спине, головой на З, руки вытянуты вдоль туловища. Выше черепа погребенного, справа и слева от черепа обнаружено три остова черепах, еще два – за ступнями (рис. 2.2). Слева от головы стоял кувшин приземистой округло-конусовидной формы с петельчатой ручкой (рис. 2.3). Венчик обломан в древности (со сливом?), горловина с внутренней стороны шел ряд вертикальных расчесов. Лощением на ручке нанесено 9 горизонтальных, слегка углубленных линий. В средней части тулов украшен линейно-волнистым орнаментом. Поверхность залощена, «мажущаяся», черепок серо-коричневатого цвета, обжиг равномерный (с серой серцевиной), тесто с незначительными примесями кварцита.

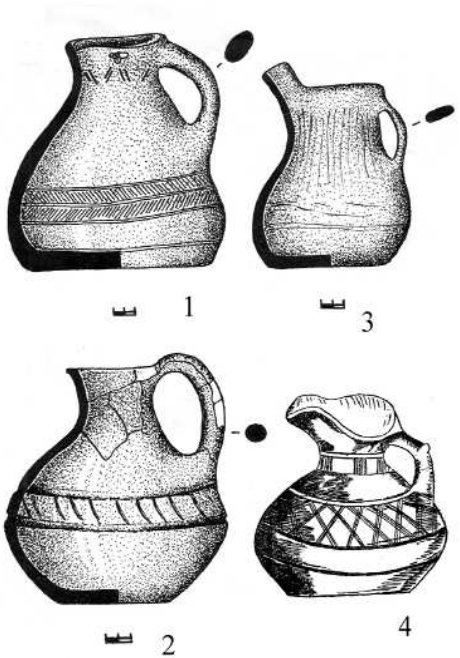


Рис. 1. Керамический комплекс из Степного Поднепровья: 1 – Жовтневое; 2-3 – Надпорожье; 4 – Малая Лепетиха.

Рис. 2. Салтовская керамика из Нижнего Поднепровья и северо-западного Приазовья: 1-3 – Мамай-Сурка; 4-5 – Семёновка.

Из северо-западного Приазовья происходит один целый кувшин и фрагмент сосуда, обнаружены в разрушенном погребении у с. Семёновка под Мелитополем (раскопки Б.Д. Михайлова 1993 г.). Кувшин округлой вытянутой формы с высокой горловиной. Венчик оболман. Под шейкой сосуд украшен тремя углубленными горизонтальными линиями, в нижней части – зональным линейным орнаментом с косыми линиями (рис. 2.4). Поверхность подлощена. Фрагмент украшен линейным и сетчатым орнаментом (рис. 2.5).

Рассмотренный керамический комплекс иллюстрирует разнообразие форм и орнаментов, особенно в Надпорожье и на нижнем Днепре. В северо-западном Приазовье встречается керамика, украшенная косым и сетчатым орнаментом, нанесенным лощением. Близость орнаментации ряда сосудов из разных регионов указывает на сложный этнический состав, их округлые формы более характерны для степного населения, традиционно связываемого с протоболгарами.

Валерий Йотов
(Варна, Болгария)

Новые данные о раннесредневековых болгарских могильниках на территории современной Румынии

Автор останавливает внимание на керамические сосуды, которые найденные случайно или после спасателные неопубликованные археологические раскопки на территории современной Румынии.

1. Могильник около деревни Bordusani, район Ialomita. В 1976 году найден один кувшин (рис. 1, в настоящее время в музее Călăraşi).

2. Могильник около деревни Pietroiu (на берегу реки Borcei), район Călăraşi. Некрополь был частично раскопан в 1975 году. В некоторых могилах были найдены восемь кувшинов. Один находится в музее Călăraşi (рис. 2), семь в других музеях (по словам коллег – в музее Констанцы).

3. Могильник в месте под названием «Каска» (восточная часть района Călăraşi), на берегу реки Borcei. В 1979 году в этом районе найден один кувшин (рис. 3).

4. Могильник во дворе школы № 6 в городе Călăraşi. Найден один горшок с двумя ручками (рис. 4).

Автор считает, что эти данные будут полезны для подведения итогов о следах ранних болгарских могильников севернее реки Дунай.

Рис. 1

Рис. 2

Рис. 3

Рис. 4

В.П. Кирилко

СОСУД С ДООБЖИГОВЫМ РИСУНКОМ-ГРАФФИТИ ВСАДНИКА ИЗ РАСКОПОК СРЕДНЕВЕКОВОЙ ФУНЫ

Фрагменты сосуда представлены тремя разрозненными обломками (рис. 1: 1-3). Они найдены в Крыму на территории замка Фуны, происходят из заполнения хозяйственной ямы XV в. и могут быть датированы IX-X вв.

Первоначальная форма изделия и его декор вследствие больших утрат поддаются лишь частичной реконструкции. Тулово, предположительно, было шаровидным. Дно – плоское. Плечи – покатые, округлые. Горло – узкое. Возможно, имелась ручка. Особенностью сосуда, представлявшего собой разновидность кувшина, является примыкание к основанию сбоку абсолютно ровной стенки, по сути, ещё одного дна. Угол между ними составляет 82°, при этом остальные придонные участки корпуса нормальным образом отогнуты наружу. Размеры изделия: диаметр основного дна – 14,0 см, толщина стенок – 0,4-0,6 см. Сосуд изготовлен из хорошо вымешанной тощей глины с повышенным содержанием кварцевого песка и редкими зёрнами дресвы. Черепок на изломе коричневого цвета, лицевые участки дна в результате пережога темно-серые. Внешняя поверхность кувшина относительно гладкая, днище у краёв слегка подлощено. С внутренней стороны стенки сосуда неровные и шероховатые со следами выравнивания торцом узкой пластины, а также вмятинами

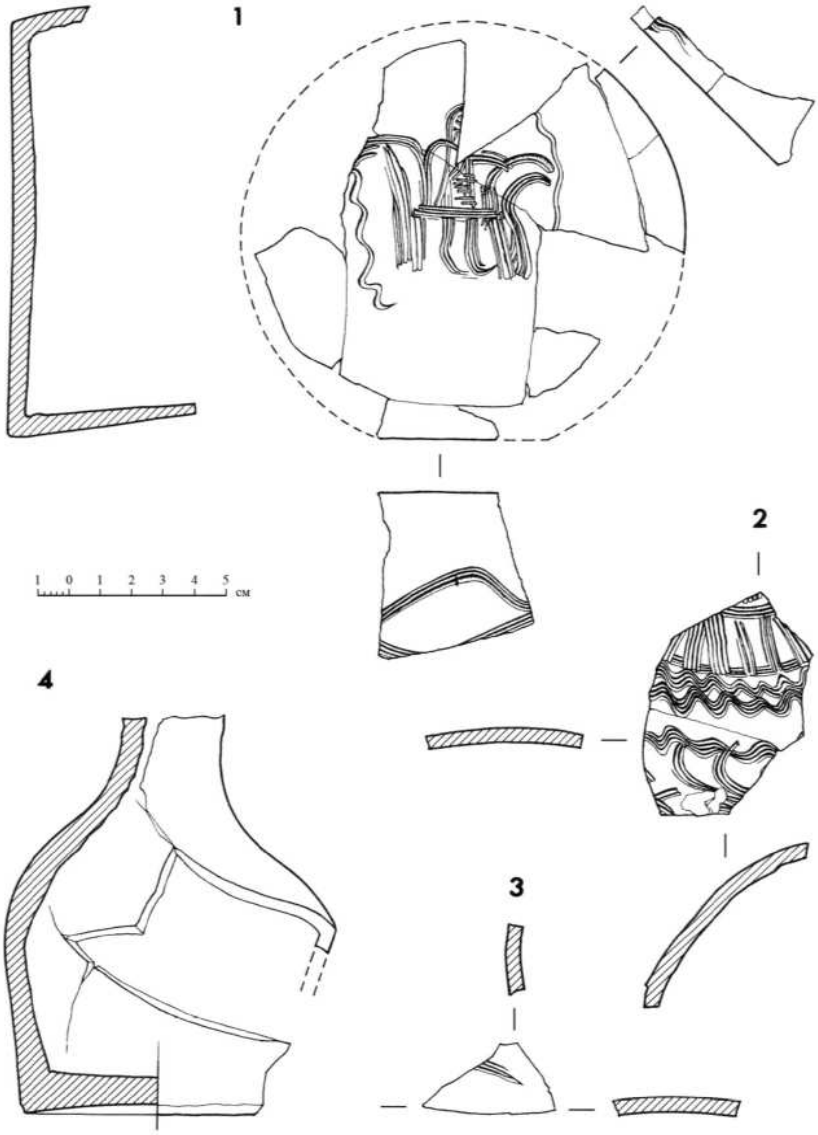


Рис. 1. Сосуды IX-X вв. из раскопок Фуны

от пальцев в местах примыкания горла к тулову, дно заглажено мокрой травой до матового состояния.

Кувшин был украшен врезным орнаментом, предположительно, полностью покрывавшим всё изделие. Декор нанесён по сырой глине зазубренной щепкой шириной 0,5 см, оставившей на поверхности двух-, трёх- и четырёхрядные желобки. Более или менее определённо можно судить об убранстве верхней части сосуда (рис. 1: 2). Непосредственно под горлом между двумя горизонтальными линиями, замкнутыми по обводу плеч в концентрические кольца, радиально с лёгким наклоном в одну из сторон прочерчены относительно прямые штрихи. Полностью перекрывая нижнюю кромку, они равномерно заполняют внутреннее пространство фриза. Подобное членение мог иметь и декор основания горла. Узор подведён двойной линией со скруглённым и отогнутым влево гребнем. Такая же, но одинарная, лента служила обрамлением и для расположенного ниже орнаментального мотива из двух рядов наклонённых дужек, сведённых между собой попарно в виде стрелок острием вправо. Незначительные обрывки горизонтально извивающихся линий сохранились также на фрагментах придонной части тулова (рис. 1: 1), причём рисунок плоского участка стенки, представляющего собой двойную волну с противоположными амплитудами, от остальных отличается довольно крупными размерами секций и более плавными очертаниями.

Поверхность технологического дна снаружи украшена предельно стилизованным изображением человека на фоне симметричного предмета, который в равной степени можно интерпретировать как кресло изысканной формы с необычайно высокими подлокотниками, так и, что является более вероятным, мифическую двуглавую лошадь (рис. 1: 1). Рисунок расположен нормально по отношению к ребру между донъями. Общие размеры композиции – 6,8 х 6,8 см. Граффити дообжиговое, выполнено одновременно с орнаментированием сосуда, одним и тем же инструментом. Особенности взаимного пересечения и сочетания, образовавшихся при этом,

желобков позволяют реконструировать последовательность нанесения изображения и его тектонику. Прежде всего, в центральной части днища, с боков обрамлённой вертикальными извивающимися линиями, двумя движениями щепки сверху вниз были прочерчены контуры человека – сначала правой, затем левой половины фигуры. Голова – округлая, плавно переходит в тело. Место шеи отмечено лёгким двусторонним сужением абриса. Концы ног имеют вид крючков, загнутых влево. Впоследствии, видимо, на завершающем этапе были нанесены условные черты лица, а поверхность тела детализирована короткими штрихами: живот – двумя горизонтальными, грудь – одним косым, от левого плеча вниз. Половозрастные признаки не выделены. После прорисовки фигуры человека, по обе стороны от неё, двумя относительно вертикальными, кривыми линиями мастер обозначил внешние контуры второго персонажа. Левая из них выгнута на концах, правая же имеет изгиб, близкий к излому, только вверху. Однако, судя по едва проступающим следам резца, искривление последней предполагалось и внизу. С внутренней стороны каждый из участков абриса фигуры продублирован двумя отрезками линий: вверху – дуговидных, вместе с внешними образующими подобие конских головок (левой – с грациозно выгнутой шеей, правой – настороженно приподнятой), а внизу – прямых, имеющих вид опор (ног) второго плана. При этом нижние линии предельно приближены к внешнему контуру и не совпадают с верхними дугами. Посередине все вертикальные элементы изображения животного соединены между собой прямой горизонтальной чертой, завершавшейся слева короткой вертикальной засечкой, возможно, имитацией луки седла. Горизонталь перекрыла внутренние очертания абриса и рассекла пополам фигуру основного персонажа. Последними были нарисованы руки в виде коротких дуг, концы которых симметрично примыкают (возложены) к изгибам шей коня по обе стороны от всадника.

Аналогии находке, исключая одну, относительно близкую – местный сосуд того же времени с подобными морфологическими

признаками (рис. 1: 4), неизвестны. Своим происхождением изделие, предположительно, обязано культуре финно-угорских племён Поволжья и Прикамья, участвовавших в сложении крымского этноса. В этом регионе и на сопредельных с ним территориях не только выявлены наиболее ранние изображения двуглавых лошадей (с. Съезжее, перв. пол. III тыс. до н.э.), но также сохранился связанный с данным существом ритуал (свадебный обряд вычегодских коми «Чумич») и представлены многочисленные женские амулеты в виде различного рода коньковых подвесок. Предварительно находка может быть определена как сосуд, возможно, предназначавшийся для натальной магии.

Евгения Коматарова-Балинова
(София, Болгария)

Керамика Хазарского каганата (VII–IX вв.) и проблема идентификации болгарской керамики в странах Нижнего Дуная (VII–IX вв.)

Эта работа не первая самостоятельная попытка сравнительной характеристики между керамическими комплексами Салтово-Маяцкой культуры и культурой Первого Болгарского царства. Базирована главным образом на результатах некрополей, она является скорее стремлением для продолжения усилий нескольких поколений болгарских и зарубежных исследователей. Накопленная за последние десятилетия новая информация позволяет как дополнение, так и пересмотр уже установленных мнений. Расширение эмпирической базы, естественно породило новые интерпретации, которые привели к выводам, что протоболгары размещаются на Нижнем Дунае с «готовой» керамической традицией (Ангелова, Дончева-Петкова 1990, 67), происхождение которой остается «загадочной» (Дончева-Петкова 2009, 82).

Существование протоболгарских биритуальных некрополей на Нижнем Дунаве с одной стороны и алано-болгарской основы Салтово-Маяцкой культуры с другой стороны, так как видит ее И. И. Ляпушкин, логически предположили и определенную близость керамических комплексов (Ляпушкин 1958, 14), а С. А. Плетнева, ссылаясь снова на керамические формы, формулирует понятие “Нижнедунавский вариант Салтово-Маяцкой культуры”. Если носителем определенных производственных традиций является эт-

нос, следует ожидать, что и керамический комплекс из двух культурных пространств должен быть, если не идентичным, по крайней мере аналогичным составом, технологией и формой.

В составе салтовского керамического комплекса присуствуют горшки, кувшины, миски, кружки, кубышки, амфоровидные сосуды и питосы с двумя ручками. Наличие или отсутствие определенных функциональных групп в различных областях уже упоминалось в работах В. С. Флерова и К. И. Красильникова (Флёров 1980, 155; Красильников 2009, с. 101, табл. 2).

Рис. 1. Кувшин из некрополя Бдынци

Для изготовления керамических сосудов использовано несколько разных технологий: сформированные на гончарном круге медленно, вручную, отточенные на колесе. Соотношение, между этими технологическими группами в разных некрополях, иное. Несмотря на накопленный эмпирический материал, данные которых происходят из изученных гончарных мастерских, все еще не достаточны, чтобы установить четкое представление о типе /условно/ медленного гончарного круга (Са-

Рис. 2. Ведероподобная посуда из некрополя Топола.

Рис. 3. Посуда из Салтовского катакомбного некрополя (в первый раз опубликована в монография Ст. Станчев, Ст. Ваклинов "Некрополът до Нови пазар. София, 1958)

рапулкин 2003, 146). Доминирование нижних форм с опущенными плечами столовой посуды,может быть подсказывает, что у гончарного круга был короткий момент инерции, а посуда была отделаной и сглаживаной. Сглаживание проводилось путем удаления и дополнительно покрывания внутренной и внешней поверхности тонким слоем очищенного раствора глины. Чтобы отличить от ангоба, В. С. Флеров вводит понятие слой подлощения. Это технологическая особенность, как отмечает автор, иногда приводит к отказу определить, как выполнена посуда, вручную или на колесе (Флёров 2000 б, 111-112).

Из всех указанных салтовских форм, у нас распространение получают только горшки и кувшины. В салтовском керамическом комплексе отсутствуют знакомые по нашей территории ведра и

миски. Амфорная посуда появляется в разное время – в конце VIII – в начале IX века у нас и приблизительно 100 лет спустя в салтовской среде, при этом в крепостях и городищах. Поселение, покинувшее биритуальные некрополи на Нижнем Дунае, знает только керамику, изготовленную на медленном гончарном круге. По следам вращения можно предположить, что существуют два типа гончарного круга – легкий и тяжелый. Посуда формуется посредством ленточной техники или из куска глины. Сделанные микроскопические исследования показали, что кроме уже известной ангобиранной посуды из Нови Пазар, дополнительное осветление поверхности керамических продуктов не практикуется.

Следуя принципам А. Бобринского должны заключить, что дифференциальная технология посуды, особенно с полированной поверхностью (слой подлощения) в диапазоне (ареале) Салтово-Маяцкой культуры и у нас производятся людьми с разных этнических групп. По этой причине относительно керамики из Нижне Дунайских некрополей, о прямых параллелях в степи нельзя говорить, а сходство в формальных характеристиках направляет поиск более к общим традициям, установленным в прошлых периодах и в других областях. Еще в начале 80-ых годов, Ст. Ангелова отмечает, что Нижнедунайская керамическая посуда проявляет сходство с керамикой населения Северного Кавказа. На вопрос о заимствовании керамической традиции В. С. Флеров считает, что в VI-VII веке группы аланского населения, выходцев из Северного Кавказа, живут вместе с болгарами, проживающими в районе Восточного Приазовья. Это сожительство продолжается далее в контактных зонах Салтово-Маяцкой культуры (Флеров, 1983, 104).

В Нижнедунайском керамическом комплексе существует ряд архаичных форм и декораций, которые остаются и в салтовской этно-культурной среде. Таковы кувшины с “носиком сливом” с рельефной декорацией по плечам, знакомы из Истрии, Бдинци, Балчика и города Нови Пазар, а от Северского Донца аналогичная известна из Новолимаревки, а также и среди неопубликованного ке-

рамического материала из Ольшанского городища. Не менее интересны сосуды зооморфными ручками, известны на данном этапе в у нас только из некрополя в Тополе. Известны еще с сарматоаланского периода, кроме в Болгарии, отдельные экземпляры документированные из катакомбных могил недалеко от салтовского поселения Станично Луганское.

Конечно, внимание в последние годы направлено на аристократическую могилу и языческий центр в Кабиюк, недалеко от первой столицы Плиски. Там кроме богатых ремных гарниров, которые находят сходства среди сокровищ из албанских гор, найден кувшин с высокой шеей, тело в форме уплощенной сферы "носиком сливом". Не только морфология, а и украшение может быть связано с аланской керамической традицией. Организация орнамента с чередующимисями полированными и врезанными линиями слишком уж напоминает один неопубликованный кувшин Цимлянского музея.

Итак, салтовская и болгарская керамическая традиция наверно имеют общее начало, но во времени следуют разным линиям развития. В поддержку этой точки зрения является посуда, которая и одном и другом комплексе является архаизмом и именно эти архаические формы проявляют чувствительное сходство между собой.

Список литературы:

Ангелова, Дончева-Петкова 1990: С. Ангелова, Л. Дончева-Петкова. Традиции в прабългарската излъскана керамика. – Добруджа, 7, 1990, 68–87.

Дончева-Петкова 2009: Л. Дончева-Петкова. Некрополът при Балчик. Нови данни за прабългарите. – Археология, 2009, 1-2, 77–89.

Красильников 2009: К. И. Красильников. Лощеная керамика из степного массива салтово-маяцкой культуры (типология, технология, орнаментика, клейма). – Степи Европы в эпоху средневековья, Т. 7. Донецк, 2009.

Ляпушкин 1958: И. И. Ляпушкин. Памятники Салтово-маяцкой куль-

туры в бассейне р. Дона. Материалы и исследования по археологии СССР, 62. Москва, 1958.

Сарапулкин 2003: В. А. Сарапулкин. Керамика и керамическое производство лесостепного варианта салтово-маяцкой культуры. Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Липецк, 2003.

Флёров 1980: В. С. Флёров. Лощеная керамика Салтово-Маяцкой культуры как исторический источник. Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Москва, 1980.

Флёров 1983: В. С. Флёров. О хронологии Салтово-Маяцкой культуры. – В: Проблемы хронологии археологических памятников степной зоны Северного Кавказа. Ростов на Дон, 1983.

Флёров 2000: В. С. Флёров. О технологии изготовления Салтово-Маяцкой лощеной керамики. – Археологии Восточноеверопейской лесостепи, 14. Москва, 2000.

А.Ф. Кочкина
(Самара, Россия)

Керамика могильников новинковского типа на Самарской Луке

В Среднем Поволжье на Самарской Луке в 1980-е годы были выявлены памятники новинковского типа, представляющие собой особую группу курганно-грунтовых захоронений преимущественно под каменными набросками и закладками, датируемые авторами раскопок концом VII – первой половиной VIII вв. В настоящее время известно более 30 могильников и одиночных курганов этого типа. Интенсивные исследования памятников новинковского круга производились в последние два десятилетия XX века, всего исследовано более 200 погребений.

Анализу погребального обряда, погребального инвентаря, определению хронологии и этнокультурной специфики памятников посвящены монографии и отдельные статьи исследователей (Матвеева, 1997; Багаутдинов и др., 1998; Сташенков, 1995, 1995а, 2001; Бражник и др., 2000 и др.). Принадлежность памятников новинковского типа болгарам доказывала Г.И.Матвеева (1997), ее поддерживали в этом ученики и последователи (Багаутдинов и др., 1998). В последние годы этнокультурная специфика представляется исследователям неоднозначной и более сложной (Сташенков, 2001). Определенную роль в определении этнокультурной принадлежности населения, оставившего эти памятники, играет керамическая посуда, встречающаяся в погребениях.

Несмотря на постоянный интерес к древностям новинковского типа, керамика продолжает оставаться недостаточно изученной категорией находок.

По технологии производства керамика подразделяется на две группы - сосуды, изготовленные на круге, и сосуды, вылепленные вручную. По форме представлены пять категорий – амфоры, кув-

шины, горшковидные сосуды, кружки, миски. В таблицу керамики из памятников новинковского типа на Самарской Луке, составленную в основном по публикациям, включено 96 сосудов, не исключено, что в нее будут внесены коррективы.

Обобщенная характеристика керамического комплекса, происходящего из погребений новинковского типа, была дана Г.И.Матвеевой (1997. С.78-84). Исследовательница отметила, что распределение керамики в погребениях для каждого конкретного могильника имеет свою специфику: в погребениях двух могильников (табл.) керамика не найдена вообще, однако все эти могильники исследованы не полностью. В других могильниках она встречается редко. Отмечена поло-возрастная зависимость встречаемости керамики в погребениях, так лепные горшки были характерны преимущественно для детских захоронений, круговые кувшины встречались в женских погребениях, за исключением мужского захоронения Осиновского III курганного могильника.

Попытки систематизации керамического материала из погребений новинковского типа были предприняты С.Э.Зубовым в коллективной монографии (Багаутдинов и др.. 1998. С.139-149). Подходы к типологизации одной группы керамики, а именно лепных горшков (61 сосуд), разрабатывались О.В.Бражник (Бражник, 1999). Однако результаты не были опубликованы.

Таблица 1.

№ п/п	Памятник	Общее кол-во сосудов
1	Брусянский II курганный могильник	30
2	Брусянский III курганный могильник	1
3	Брусянский IV курганный могильник	-
4	Брусянский II одиночный курган	2
5	Малорязанский курганно-грунтовой могильник	12
6	Малорязанский II курганный могильник	-
7	Малорязанский грунтовой могильник	1

Продолжение таблицы

№ п/п	Памятник	Общее кол-во сосудов
8	Новинковский I курганно-грунтовой могильник	15
9	Новинковский II курганный могильник	17
10	Новинковский III курганный могильник	2
11	Осиновский III курганный могильник	1
12	Осиновский IV курганный могильник	5
13	Рождественский III курганный могильник	3
14	Выползовский I курганный могильник	1
15	Лбищенское погребение	1
16	Шелехметский курганный могильник	4
17	Шелехметский II курганно-грунтовой могильник	1
	Всего	96

Технико-технологический анализ был выполнен И.Н.Васильевой только для части керамики I Новинковского могильника (1995), что, по мнению автора, недостаточно для понимания особенностей комплекса керамики этой группы памятников в целом.

Таким образом, источниковедческие возможности керамики памятников новинковского типа далеко не исчерпаны. Получение новых материалов, разработка новых исследовательских подходов позволяет вновь обратиться к изучению это категории находок и обозначить проблемы, связанные с ее исследованиями.

Несмотря на немногочисленность в целом керамики, очевидна необходимость детального описания и систематизации керамики. Единственная амфора происходит из богатого погребения Брусянского III курганного могильника. Круговая керамика найдена в небольшом количестве, практически каждый сосуд индивидуален по своим морфологическим признакам.

Лепная керамика представлена кувшинами и горшками. Лепные кувшины также редки, а сравнительно массовую катего-

рию составляют горшковидные сосуды, что дает возможность их группировать.

Имеются перспективы в изучении технико-технологических особенностей исследуемой керамики.

Характеризуя круговую керамику исследованных комплексов, Г.И.Матвеева подчеркивала их сходство с салтовской керамикой, хотя представляла себе, что между новинковскими памятниками и собственно салтовскими имеется хронологический разрыв. И эта проблема требует более глубокого анализа. Существует также проблема соотношения сосудов из новинковских памятников с керамикой сопредельных территорий – из могильников Ульяновского Предволжья и Заволжья, могильников раннеболгарского времени Татарстана. В последние годы в Поволжье были открыты поселения с материалами хазарской эпохи, это ставит задачу определения соотношения керамики могильников с поселенческой керамикой. Актуальной и более сложной задачей представляется задача сравнительного анализа керамики памятников новинковского типа и керамики восточноевропейского ареала в рамках Хазарского каганата, а также древностей кочевников и оседлого населения Евразии.

Список литературы:

Багаутдинов Р.С., Богачев А.В., Зубов С.Э. Праболгары на Средней Волге. У истоков истории татар Волго-Камья. Самара, 1998.

Бражник О.И. К проблеме систематизации керамики новинковского типа // XXXI Урало-Поволжская археологическая конференция студентов, аспирантов и молодых ученых. Тезисы докладов. Самара, Изд-во «Самарский университет», 1999.С 57.

Бражник О.И., Кирсанов Р.С., Лифанов Н.А. Исследование Шелехметского II курганно-грунтового могильника в 1999 г. // Краеведческие записки. Вып.IX. Самара, 2000.

Васильева И.Н. К вопросу о технологии керамики I Новинковского могильника // Средневековые памятники Поволжья. Самара, 1995.

Матвеева Г.И. Могильники ранних болгар на Самарской Луке. Самара, 1997.

Сташенков Д.А. Археологические исследования у с.Новинки // Краеведческие записки. Вып.7. Самара, 1995.

Сташенков Д.А. Новые детали погребального обряда памятников раннеболгарского времени в Самарском Поволжье // Средневековые памятники Поволжья. Самара, 1995а.

Сташенков Д.А. Половозрастная стратификация новинковского населения // Культуры Евразийских степей второй половины I тысячелетия н.э. (из истории костюма). Том 2. Самара, 2001.

Э.Е. Кравченко
(Донецк, Украина)

Керамика Сидоровского археологического комплекса

Во время многолетних исследований крупнейшего из поселений в среднем течении р. Северский Донец – археологического комплекса у с.Сидорово, был получен богатый археологический материал, основную часть которого составляет керамика. Она достаточно разнообразна и делится на две крупных группы: - керамику местного изготовления и привозную посуду.

Наиболее многочисленная группа – керамика местного изготовления (до 65-70% от всего количества находок) представлена посудой лепной и гончарной. Часть этих сосудов несомненно производились на данном памятнике. В 2000 г. здесь (раскоп 2) был исследован комплекс сооружений гончарной мастерской, представляющий полуземлянку, в стену которой был встроен гончарный горн. Еще один горн располагался рядом с постройкой. Обнаруженные в заполнениях горновых ям полуфабрикаты и брак показали, что в горнах обжигались обычные кухонные горшки, кувшины и кубышки, украшенные лощением, а также крышки с пестовидными ручками.

Лепной посуды в керамическом комплексе рассматриваемого нами поселения относительно немного и она не отличается типологическим разнообразием. Большая часть ее представлена обломками жаровен и груболепных пифосов. Их фрагменты встречены практически во всех комплексах, тем не менее, полностью реконструировать удалось лишь один сосуд (пом.15). Последнее

связано, как с характерным тестом (с большой примесью крупного шамота), так и со слабым (скорее всего, костровым) обжигом этих сосудов. Жаровни встречаются реже. Полностью реконструированных сосудов этого типа на памятнике нет. Вероятно, они также изготавливались в домашних условиях, отличаясь от пифосов характером теста, имеющего большую примесь органики. Совсем мало (5 экз.) обнаружено фрагментов котлов с внутренними ушками, характерных для памятников степной зоны. Единичными фрагментами представлены находки лепных горшков и светильников. Кроме этого на памятнике встречена небольшая (до 10 экз.) группа маленьких лепных сосудиков (рис.1,7). Единичными фрагментами представлены обломки лепных крышек и ручек от них.

Гончарная посуда. Составляет основную часть керамического комплекса. Среди нее выделяется столовая и тарная и **кухонная керамика**. Последняя доминирует. Ее находки представлены многочисленными горшками с полосчатым рифлением по корпусу (составляют не менее 50% от общего количества керамики на памятнике) (рис.1,2). Горшки имеют S-видный профиль венчика, отличаясь друг от друга размерами, и составом керамического теста. Большинство этих сосудов имеет приземистые пропорции, удлиненные формы встречаются реже. В тесте преобладающей примесью является мелкозернистый песок. Изредка встречаются добавки крупнозернистого песка или толченого мела. Единичным экземпляром представлен горшок с примесью шамота. Стенки большинства сосудов относительно тонкие (до 0,4-0,6см). Кроме полосчатого рифления, их верхняя часть иногда орнаментирована полосой волнистого орнамента, или рядом параллельных наколов на плечиках, выполненных косо поставленным гребенчатым штампом. Иногда волнистая орнаментация наносилась поверх линейной. Совсем редко на плечиках горшков встречается орнамент из соединенных между собой дуг. Иногда гребенчатым или волнистым орнаментом украшался и закругленный срез венчика. Венчик некоторых сосудов орнаментировали пальцевыми вдавле-

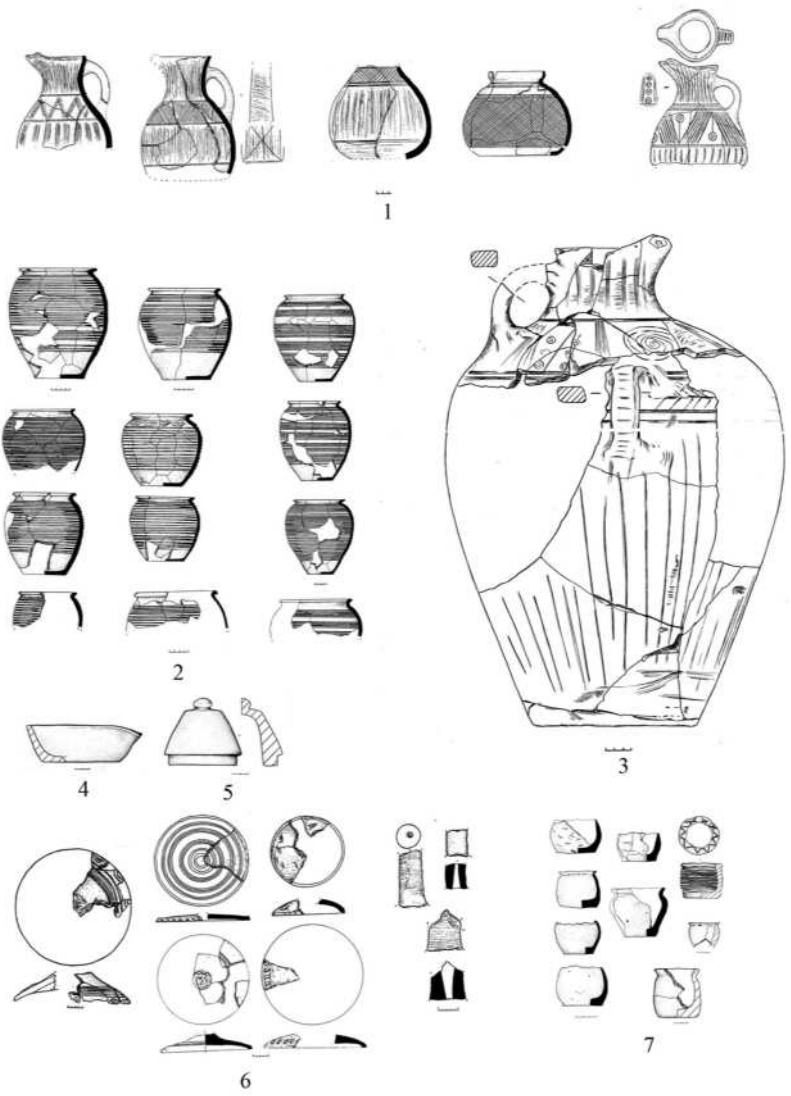


Рис.1. Археологический комплекс у с. Сидорово. Керамика местного изготовления.

ниями или защипами. В двух случаях горшки имели небольшую ручку, которая крепилась к верхней части корпуса сосуда. Размеры горшков колеблются от совсем малых (высота до 10 см), до крупных корчагообразных сосудов, высота которых превышает 30-35 см. Собственно, корчаги с линейно-волнистой орнаментацией встречаются относительно редко. Обычно указанные сосуды украшены пальцевыми защепами по краю венчика. Характерной особенностью является наличие у ряда горшков венчиков со слабо выраженными закраинами. На их днищах довольно часто встречается невысокий кольцевой выступ, идущий по внешнему краю. Клейма редки и, в типологическом плане, однообразны. Значительная часть их представлена простыми фигурами: крест, крест в круге, крест в двойном круге, триквестр. Среди коллекции кухонной керамики присутствуют единичные фрагменты тонкостенных прекрасно обожженных горшков, сделанных из сильно запесчаненного теста. Их поверхность обычно лишена орнаментации. Указанные сосуды по своему виду, характеру теста и обжига имеют сходство с керамикой, встречающейся на памятниках Крыма.

Особый интерес представляет факт наличия в керамическом комплексе крышек с пестовидными ручками (рис.1,6). Указанная форма, абсолютно идентичная по виду, замесу, обжигу, орнаментации присутствует в керамике Волжской Болгарии X-XI века. Встречены, как гончарные, так и лепные крышки. В заполнении горнов гончарной мастерской на памятнике были обнаружены необожженные полуфабрикаты крышек, свидетельствующие о местном их производстве.

Столовая керамика местного изготовления представлена сероглинянными кувшинами, кубышками, кружками. В небольшом количестве встречаются горшки с петлевидными ручками. Большинство сосудов орнаментировано по корпусу пролощенными вертикальными линиями или сетчатым рисунком. Иногда встречаются и более сложные композиции (рис.1,1). Цвет их колеблется от серо-желтого, до черного. Ручки украшались параллельными го-

ризонтальными или зигзагообразными пролощенными линиями. Иногда на ручках кувшинов, у места крепления их к венчику, присутствуют уплощенные круглые налепы, идентичные таким же украшениям на сарматской, раннесредневековой северокавказской, а также раннеболгарской керамике Среднего Поволжья. Часть кувшинов имеет на шейке прочерченный орнамент в виде волнистых линий. На горшках с петлевидными ручками прочерченный орнамент присутствует в месте наибольшего расширения корпуса. Характерным орнаментом для кубышек было покрытие корпуса сосуда косым сетчатым рисунком, выполненным при помощи лощения. Клейм на сосудах этой группы немного, и большинство их представлено простыми фигурами (обычно, крест). Тем не менее, иногда среди них встречаются довольно сложные клейма.

В единичных экземплярах встречены массивная крышка (рис.1,5) (прямых аналогов найти не удалось), светильник в виде блюдца со сливом (рис.4), фрагмент лощеного сосудика на кольцевом поддоне (похоже, тоже светильника), обнаруженный в столбовой яме пом.6.

Тарная гончарная керамика представлена в относительно небольшом количестве, не идущем ни в какое сравнение с процентом этой посуды на соседнем археологическом комплексе у с. Маяки. Она представлена сероглинянными корчагами, крупными двухручными и трехручными кувшинами. Основная часть их орнаментирована пролощенными вертикальными линиями по корпусу в сочетании с поясом прочерченного орнамента в месте наибольшего расширения сосуда, иногда на плечиках (это характерно для кувшинов). Тем не менее, встречаются экземпляры, в декоре которых лощение не употреблялось. Как правило, они имеют и иное керамическое тесто (более грубое, с большой примесью песка). Один из сосудов (трехручный кувшин из пом. 16) отличается от прочих сосудов этой группы богатым декором и формой ручек (рис.1,3), сближающих его с лесостепной керамикой этого типа.

Привозная керамика довольно многочисленна. В некоторых комплексах ее количество достигает 40% от общего количества фрагментов. В целом же, по памятнику процент привозной посуды не превышает 30-35%. Основная часть амфор на археологическом комплексе представлена разновидностями т.н. 2-го варианта «причерноморок», произведенных на территории Крыма и Тамани (рис.2,1). Они делятся на ряд разновидностей, отличающихся друг от друга керамическим тестом, характером обработки поверхности, профилировкой края венчика и пропорциями. Показательно полное отсутствие на памятнике небольших амфор, украшенных зональным расчесом на плечиках и корпусе, которые широко представлены в степи и присутствуют на соседнем археологическом комплексе у с.Маяки. Нет вовсе амфор с венчиком в виде манжета, что, вероятно, связано с тем фактором, что к моменту их распространения указанный памятник мог уже прекратить существование.

Намного реже встречаются крупные амфоры (рис.2,2), близкие к 1 варианту (по А.Л.Якобсону, 1951). Фрагменты их встречены в помещениях 6, 20 и в некоторых хозяйственных ямах. В случаях, где присутствует стратиграфия, фрагменты этих сосудов фиксируются в самых ранних комплексах.

Кроме красноглиняных, на памятнике встречаются обломки небольших амфор, изготовленных из теста розовато-желтого или серо-желтого цвета, которые, наиболее вероятно, представляют собой продукцию византийских центров (рис.2,9). Внешняя их поверхность обычно покрыта белым или серым ангобом. Процент амфор этой группы на территории памятника невысок, за исключением его центральной части (раскоп 16).

Среди привозной керамики в небольшом количестве представлены фрагменты кувшинов с плоскими ручками (рис.2,3). В частности, они имеются в материалах пом.16, датированного монетой. К числу редких находок относятся фрагменты ойнохой (рис.2,5) и керамических баклажек (рис.2,4). В заполнении пом.19 обнаружена красноглиняная кружка (рис.рис.2,7). Особый интерес представ-

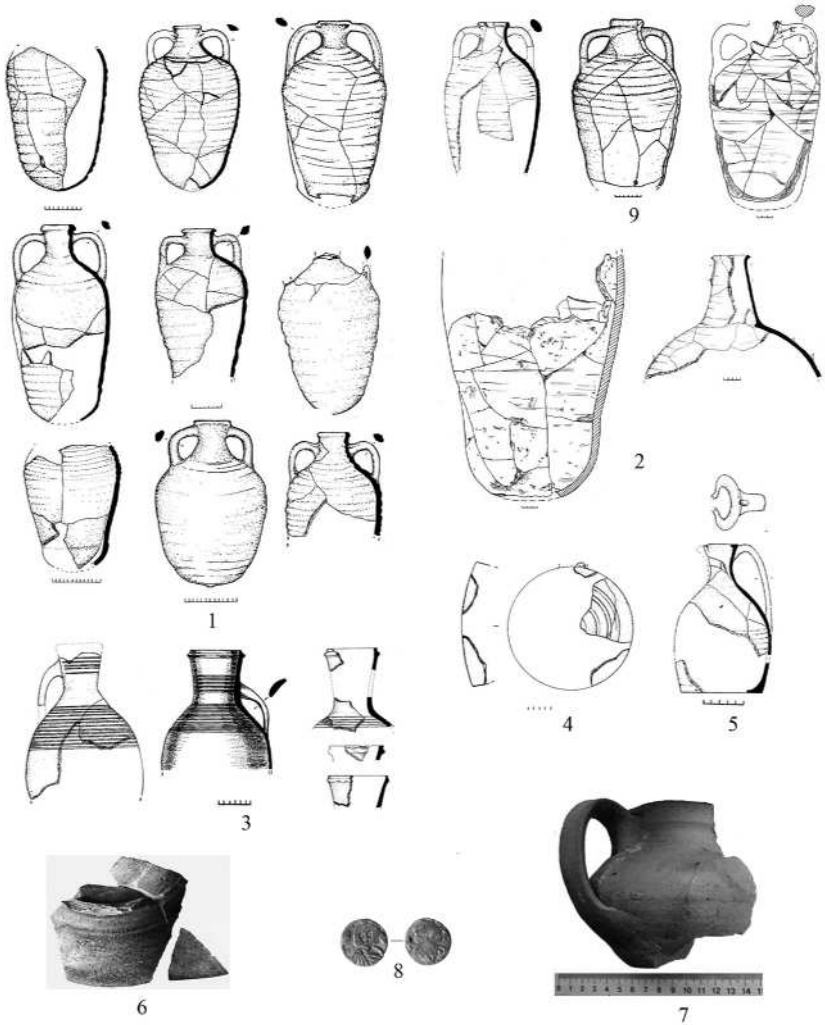


Рис.2. Привозная керамика (1-7) и фоллис (8) из помещения 16 на археологическом комплексе у с. Сидорово.

ляет находка обломков белоглиняного сосуда, покрытого прозрачной зеленой поливой (рис.рис.2,6). Он был обнаружен в заполнении полуземлянки (пом.16), вместе с обломками сероглиняной амфоры, мелкими фрагментами византийских стеклянных сосудов и фоллисом Льва V (рис.2,8).

В целом, керамика археологического комплекса у с.Сидорово при общем сходстве с материалами окрестных больших и малых поселений СМК (в ней присутствуют те же группы посуды, как привозной, так и местной) существенно от них отличается.. Так, кухонная посуда Сидоровского археологического комплекса имеет более качественную выделку и достаточно широкий ассортимент. Довольно часто встречаются горшки, характерные для более позднего времени, с венчиком с закраиной с внутренней стороны, и днищем с характерным кольцевым валиком по краю. В комплексе присутствуют некоторые разновидности посуды (например, крышки с пестовидными ручками), которые вообще не встречаются на прочих поселениях региона. Обращает на себя внимание практически полное отсутствие лепных горшков и котлов с внутренними ушками, достаточно хорошо представленных на соседних поселениях, в том числе и крупных (на Маяках, по В.К.Михееву, они составляют около 12%). Достаточно широкий ассортимент имеют и керамические сероглинянные формы. Кроме этого обращает на себя внимание присутствие в материалах памятника высокого процента импортных амфор, как крымского, так и византийского производства, и прочих импортов (баклаги, ойнохоевидные кувшины, кувшины с плоскими ручками, кружка). Дополняет картину наличие в комплексе крайне редко встречающейся на поселениях этого времени поливной керамики. Все это сближает керамику Сидоровского комплекса с материалами крупных поселений Хазарии. Собственно, и прочие материалы, происходящие с этого памятника, свидетельствуют, что он являлся крупным центром, который, вполне вероятно, имел отношение к охране западных границ Хазарского каганата.

А.Н. Масловский
(Азов, Россия)

Салтовская керамика левобережья Низовьев Дона

Памятники левобережья Дона, между юго-восточным побережьем Таганрогского залива и устьем Маныча, а также ряд поселений вдоль правого берега Дона, отличаются своим керамическим комплексом от памятников сопредельных районов. Вместе с тем, этот микрорегион является северной окраиной Восточного Приазовья и сделанные на его материалах наблюдения будут справедливыми для всего региона в целом.

На настоящий момент здесь выявлено более ста поселений VIII-X вв. Большая их часть известна только по сборам. Небольшие раскопки производились на небольшом числе памятников. Масштабные исследования проводились только на поселениях Дюнное I-VI. Есть все основания предполагать, что это только небольшая часть находящихся здесь поселений салтово-маяцкой культуры. Общее число их, вероятно, превышает тысячу. Они густой сетью покрывают весь район. Расстояние между ними часто составляет всего 200-300 м.

Часть из них стала известна в результате разведок С.А. Плетневой. С ее лёгкой руки за ними закрепилось название «обитаемая полоса». В рассматриваемом районе ею было выделено три таких «полосы» - Новомаргаритовка, Семибалка, Стефанидин Дар. В её интерпретации данные памятники – остатки сезонных кочевий. По

её мнению, в хозяйстве кочевников, обитавших здесь, сочетался выпас скота и лов красной рыбы.

Понятие «обитаемая полоса» возникло из-за проведения разведок без топографических карт. При всей их многочисленности, границы отдельных памятников всё же можно установить достаточно чётко. По своим характеристикам памятники достаточно разнотипны.

Особенности хозяйства населения микрорегиона привели к очень характерным чертам керамического комплекса. По подсчётам С.А. Плетневой, фрагменты амфор составляют около 70% находок, лепная керамика - около 20%, круговая кухонная и круговая столовая, соответственно, - по 5%. Реальная картина намного сложнее. Такие усредненные подсчеты справедливы лишь для очень небольшого числа поселений (Новомаргаритовское, Новониколаевка). На большинстве памятников доля амфорной керамики превышает 90%. Если же мы возьмем находки из грунтовых погребений (Рогожкино X, XIII, Дугино X) и случайные находки, которые также, по всей видимости, происходят из разрушенных погребений, то картина окажется совершенно иной.

Амфорная керамика представлена преимущественно фрагментами сосудов двух групп мастерских. Первая локализуется в Юго-Восточном Крыму (район Судака). Вторая может быть локализована в Юго-Западном Крыму (округа Херсонеса). Место производства третьей по численности группы амфор с большой примесью слюды в глине, сейчас локализовано быть не может. Отмечены находки еще нескольких групп амфор, также вероятно крымского происхождения. Из этих же центров происходит небольшое число красноглиняных сосудов других видов (баклажек (фляг) и ойнохой). Самой заметной категорий находок на памятниках дельты Дона, являются дисковидные грузики, диаметром 2,5-6,0 см, выточенные из стенок амфор.

На всех памятниках лепная керамика по численности находится на втором месте. По формовочной массе она разделяется

на три группы. Наиболее многочисленна керамика с примесью навоза. На некоторых поселениях на берегу моря преобладают сосуды с раковинной примесью. Из погребений могильника Рогожкино XIII известна керамика с примесью крупного концентрата. К сожалению, обломки таких сосудов при анализе материалов сборов, не могут быть уверенно отделены от находок других хронологических периодов. Выделяется два основных вида. Это, прежде всего, котлы с внутренними ушками с широким сильно отогнутым наружу бортиком (рис.1, *1, 4*). Отметим, что круговых котлов на территории рассматриваемого региона не выявлено. Большинство горшков имеют яйцевидное тулово и слабо отогнутую наружу не профилированную шейку (рис.1, *2, 10-11*). Иногда венчик горшка орнаментирован пальцевыми защипами. Встречены также лепные горшки, воспроизводящие по форме круговые горшки с рифленой поверхностью и коротким, отогнутым наружу венчиком (рис.1, *6*). Встречены и другие типы горшков. В могильнике Рогожкино XIII найден также лепной кувшин с удлиненно-яйцевидным туловом и слабо выделенным горлом (рис.1, *9*). Фрагментами представлены лепные чаши (рис.1, *3*).

Переходя к круговой керамике, собственно салтовского производства, отметим практически полное отсутствие гончарной кухонной посуды, столь типичной для салтовских памятников. Это бросается в глаза при сопоставлении материалов района с находками на близлежащей группе памятников в низовьях Маныча (Искра I-IV). Отмечены единичные находки крупных тарных горшков, изготовленных теми же мастерами, которые специализировались преимущественно на кухонной посуде.

Хотя в погребениях достаточно часто встречены серолощенные сосуды, в целом в керамическом комплексе они составляют небольшой процент находок. Морфологически сосуды разнородны. Наиболее часты кувшины каплевидной формы (рис.1, *7*). Встречены также миниатюрные корчажки (рис.1, *8*), кружки (рис.1, *5*), кубышки. Несмотря на сложность технологического анализа целых

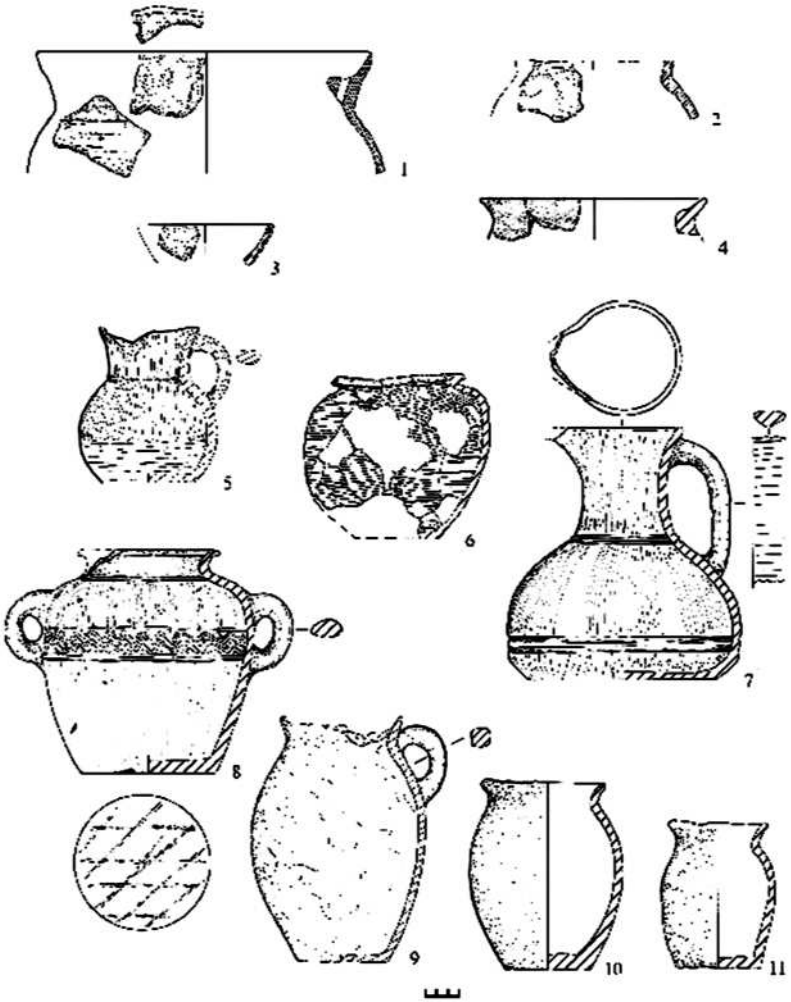


Рис. 1. Керамика салтово-маяцких памятников левобережья низовьев Дона.
1 - фрагменты лепного котла с внутренними уступами. *2* - венчик лепного горшка (Узюк 3, 2006г., шурф 2);
3 - венчик лепной чаши (Нижнедрагунтовское, 2006г.); *4* - венчик лепного котла (Ростов-Сивераз, 2006г., Я-1);
5 - кружка ; *6* - горшок (Дутино Х,1984г., 11-11); *7* - лощеный кувшин (Казачий Ерик I, 1961г.);
8 - корчажка (случайная находка)(Ротовкино X, 1981г.),
9 - кувшин (П-7); *10-11* - лепные горшки (Ротовкино XIII, 1985г.,П-7, П-6)

сосудов легко заметить, что перед нами продукция целого ряда гончарных мастерских. Эта разнородность и малочисленность находок позволяет говорить, что в пределах изучаемого микрорегиона вообще отсутствовали гончарные мастерские. В них просто не было необходимости в силу того, что кочевое скотоводство было хозяйством натуральным.

В связи с этим удивительно, что именно через этот регион во внутренние районы салтовской культуры поступало огромное количество вина. Фрагменты импортных винных амфор не только составляют абсолютное большинство находок VIII-X вв., они встречаются чаще амфор всех других хронологических периодов, вместе взятых.

По мнению разных исследователей, Восточное Приазовье было заселено болгарами (Плетнева С.А и др.) или хазарами (Афанасьев Г.Е., Круглов Е.В.). Здесь интересно рассмотреть вопрос о возможности использовать керамику для установления этнической принадлежности археологических памятников салтово-маяцкой культуры. Рассмотрим истоки её гончарного производства.

Основной отличительной особенностью гончарного ремесла салтово-маяцкой культуры является наличие двух групп специализированных мастерских. Первая группа производила преимущественно кухонную керамику (горшки, котлы) с добавлением примесей, увеличивающих жаропрочность (песка, дресвы, шамота). Вторая - производила столовую керамику (кувшины, корчаги, кубышки) с полосчатым лощением. Разделение не было абсолютным. Мастера первой группы - производили крупные тарные горшки и небольшое количество лощеной керамики. Среди продукции мастеров второй группы отмечены кухонные горшки.

Все основные характерные особенности салтовского керамического комплекса фиксируются уже на меотских памятниках в низовьях Дона во II в.н.э. Существование производства серолощенной керамики в Прикубанье и шире на территории Северного Кавказа широко известно. Менее известно, что со II в. на Север-

ном Кавказе появляются, существовавшие параллельно, мастерские, производившие преимущественно гончарные кухонные горшки. Очевидна преемственность в основных технологических приемах, включая отбор формовочных масс и режим обжига, морфологию сосудов и организацию производства между северокавказскими мастерскими эпохи поздней античности и гончарными центрами салтово-маяцкой культуры. Так же очевидно, что носителями этих традиций, сохранявшихся в течение столетий на Северном Кавказе, распространившими в VIII-X вв. их в новых регионах, являлись представители этносов Северного Кавказа, прежде всего меоты и перенявшие их навыки аланы и черкесы. Нет ничего необычного в том, что некоторые этносы вовсе не производят своей гончарной посуды, а потребляют продукцию соседних этносов. Пример тому - сарматы, поздние аланы. Конечно, при радикальном изменении хозяйственного уклада они могут наладить собственное гончарное производство, заимствовав нужные навыки у соседей, как это собственно произошло у самих аланов. Такой же процесс, возможно, произошел и с некоторыми группами болгар. Однако, на вопрос о возможности выявления черт керамического комплекса салтово-маяцкой культуры, которые бы помогли выявить памятники болгар, хазар и других этносов, следует дать однозначно отрицательный ответ.

Е.Ф. Редина, Л.В. Субботин
(Одесса, Украина)

Гончарная посуда оседлого населения степного левобережья Нижнего Дуная VIII–X вв.

Днестро – Дунайский степной регион с глубокой древности являлся зоной этнических контактов и взаимных культурных взаимопроникновей и взаимовлияний . Не исключением стал и исторический период VIII – X вв. н. э., когда эта территория становится зоной контактов двух крупных этнических массивов – восточных славян (тиверцев) и жителей северо-восточных окраин Первого Болгарского царства (Королюк 1982: 31-46; Федоров, Салманович 1970: 57). Население, проживающее здесь в этот исторический период, археологически фиксируется балкано – дунайской культурой, которая в условиях контактной зоны, формировалась, несколькими этническими группами, как оседлого, так и кочевого населения региона, находившимися в постоянном взаимодействии.

Изучение древностей балкано-дунайской культуры представляемого региона связано с именами Г. Б. Федорова, А. И. Фурманской, Г. Ф. Чеботаренко, Л. В. Субботина, Н. П. Шмаглия, И.Т. Чернякова, А.О. Добролюбского, А. Т. Смиленко, М.М. Фокеева и др. исследователей. Обобщение накопленного материала завершилось работами В.И.Козлова, которые и были нами использованы в этой работе.

Памятники балкано-дунайской культуры, в южной части Днестро-Пруто- Дунайского междуречья, появляются со второй поло-

вины VIII в. и существуют до начала XI в. В рамках очерченного региона, их известно более 140. Они представленны двумя локально-территориальными группами: Поднестровской, с Нижним Поднестровьем и южной частью центральной Молдовы, вплоть до Прута (38 памятников) и Подунайской, с количественно преобладающим числом памятников (более ста поселений) в районе Нижнего Дуная и Прута. Концентрация памятников в Подунавье объясняется исследователями их приближенностью к политическому центру I Болгарского государства, переферией которого они являлись (Козлов 1987: 77).

В.И. Козловым было выделено три периода в развитии балкано-дунайской культуры в степном междуречье Дуная и Днестра: конец VIII – середина IX вв; середина IX – середина X вв; вторая половина X начало XI вв.(Козлов 1991: 24).

Мы рассматриваем группу поселений Нижнего Подунавья, которые распологались на надпойменных терассах придунайских озер (Кагул, Ялпуг, Катлабух), либо высоких берегах их речных притоков (Рис.1). Особенностью нижнедунайского массива является то, что он возникает на необжитых в момент заселения, местах (Козлов В.И., Малюкевич А.Е., Субботин Л.В. 2001: 227-239; Смиленко, Козловский 1987: 67-83). Для сравнения – поселения Поднестровья более рассредоточены и имеют в своей основе подстилающий и сосуществующий восточнославянский культурный слой (Чеботаренко 1973: 76-88).

Принадлежность памятников балкано-дунайской культуры в Днестро-Пруто-Дунайском степном междуречье к памятникам северо-восточных окраин Первого Болгарского царства, в какой-то степени сказалось и в организации поселенческих комплексов Нижнего Подунавья, где отмечается определенная социально-демографическая система, при которой фиксируются: отдельные поселения, гнезда поселений (территориальные общины) и агломерации, включающие в себя от 7 до 19 мелких (03 – 3га) или средних (3 – 7га) поселений, тяготеющих к крупному, центральному,

площадью 7-25га. По мнению В.И. Козлова, такое структурирование поселенческих комплексов является свидетельством административно-государственного статуса системы поселений нижнедунайского массива, как пограничной территории I Болгарского царства, с функциями защиты восточных рубежей и контроля стратегических путей сообщения (Козлов 1991, 16).

Характерным признаком в домостроительстве рассматриваемых памятников, для раннего периода их истории, являются жилища полуземляночного типа с глинобитными печами в виде подбоев и очагами, в отличии от Поднестровья и Правобережье Дуная, где преобладают печи-каменки (Чеботаренко 1973, 62-67), что является свидетельством сильного славянского влияния на тюркоболгарский массив населения. Сохранение подбойных глинобитных печей в междуречье выделяет этот регион, как этнографически обособленный (Козлов 1987, 81). На двух поселениях Этулия VI и Этулия VII зафиксированы «юртообразные» постройки с очагами по центру и каменной облицовкой стен, принимаемые исследователями как кочевнические праболгарские ременисценции. Аналогичные жилища фиксируются на памятниках I Болгарского царства в Северо-Восточной Болгарии и у праболгаров Крыма и Приазовья (Козлов 1991, 21).

Определенную специфику на памятники региона накладывает их связь со ремесленным производством, в частности металлообработкой и производством керамики.

Вся керамика поселений гончарная, занимает 99% от всей найденной. Согласно технологическим особенностям, формам и способам орнаментации она представлена, тремя группами:

1- изготовленная на быстром или медленном гончарном круге с добавлением разнообразных отощителей (шамот, дресва из гнейсово-грейзеновых пород камня и известняка, толченная ракушка, песок). Доминирующая форма -горшки разных размеров. Встречаются и небольшие горшки с примесью шамота и песка. Орнаментирована кухонная посуда врезным линейно-волнистым орна-

ментом, выполненным гребенчатым инструментом с различным числом зубцов. Цвет керамики коричневый и серый. Кухонные горшки имеют клейма в виде колеса со спицами; На поселении Сафьяны выделяется единая технологическая группа горшков, характеризующаяся схожестью формы, одинаковым глиняным тестом с примесью ракушки, цветом, единством орнаментального стиля и несколькими случаями клеймения одним штампом – крест в окружности, диаметром 2,5см. Исследованое при этом жилище мастера-гончара, где зафиксирована в полу помещения ямка, связанная с гончарным кругом, и найдены фрагменты керамики, куски глины, камень из гнейсовых пород- свидетельствует о местном гончарном производстве (Рис.3).

2 – керамика изготовленная на быстром гончарном круге, из хорошо отмученного теста, содержит мелкий зернистый песок и изредка частицы речной ракушки. Цвет серый. Орнаментирована пролощенными, реже углубленными полосами.

3 – посуда сочетающая в себе технологические признаки первых двух групп (горшок с тестом столового, но орнаментирован врезным волнистым орнаментом).

Функционально посуда разделяется на кухонную, столовую, тарную. К керамике первой группы относятся кухонные горшки и редкие находки котлов. Вторая группа более разнообразна по формам. Это несколько типов мисок, кувшины, кубки и редкие формы горшочков с ручками на плечах. Среди этой группы выделяются сосуды с клеймом в виде заштрихованного, в косую сетку сегмента круга и двух параллельных полос, нанесенных на небольшом удалении от него (Сафьяны, Богатое). Тарная посуда немногочисленна, это корчаги, иногда с рельефным геометрическим клеймом на дне и ведерковидные сосуды. Процентное соотношение кухонной и столовой посуды, например на поселении Сафьяны – 87,5% к 12,5%, а на Нагорном III – 91% к 9%.

В небольшом количестве присутствуют привозная керамика амфоры и столовая посуда византийского происхождения из као-

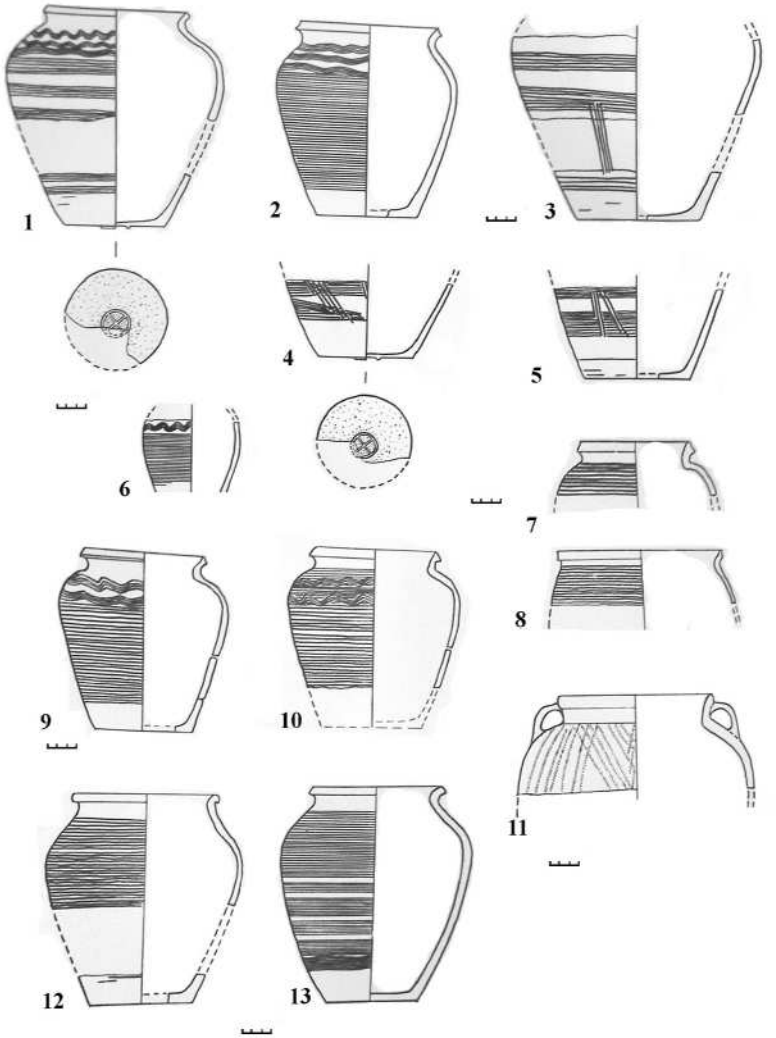
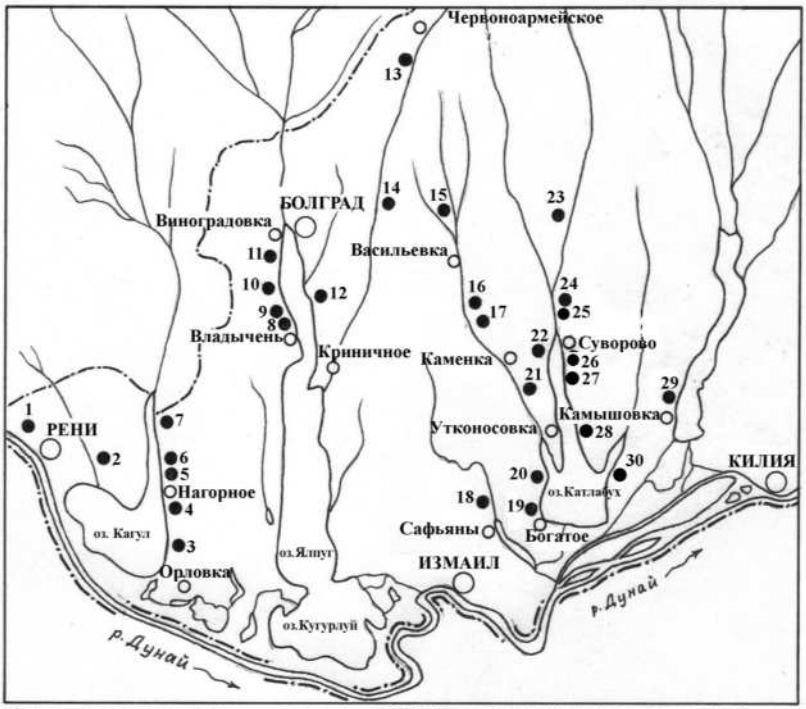


Рис. 3. Керамический комплекс поселения балкано - дунайской культуры у с. Сафьяны. (по материалам исследований В.И.Козлова).

линовой глины, расписанная охрой, которая появляется в середине X в. (Козлов 1991: 23).

Столовую посуду, найденную на поселениях балкано-дунайской культуры, считали либо привозной с территории Болгарии (Чеботаренко 1973, 23), либо относили ее к салтово-маяцкой культуре (Добролюбский, Загинайло 1976, 92-111). Однако, при более тщательном анализе, оказалось, что среди столовой посуды балкано-дунайской культуры, только определенная часть принадлежит керамике салтово-маяцкого типа, и вся эта посуда изготавливалась на поселениях региона (Рис.2). Принадлежность столовой лощенной посуды населению балкано-дунайской культуры подтвердилось результатами проведенных Г.Б.Фдоровым исследований на поселении Криничное. Здесь, на основе данных микроанализа, были установлены однородность исходного сырья, как для столовой, так и кухонной посуды (Федоров, Негруша 1979: 51). Эти результаты были в последствии подтверждены раскопками у с. Богатое, где был исследован гончарный производственный комплекс с найденными фрагментами гончарной (80 %) и кухонной (20%) посуды, полуфабрикатами, керамическим браком и недообожженной керамикой (Смиленко, Козловский 1985: 112). Приоритет столовой керамики на указанном памятнике выделяет его из числа исследованных, а отдельные образцы посуды салтово-маяцкой культуры позволяют говорить о наличии в составе его населения носителей этих традиций. В результате длительного совместного проживания и контактов керамический комплекс приобрел новые черты, отличающиеся от «классических канонов» салтово-маяцкой керамики. Изменился не только ассортимент, но и технологические приемы, и система орнамента. Это процессы отразились и на кухонной посуде. От салтовской ее отличают отощители, (хотя можно предположить использование отощителей, согласно с местными условиями). В отличии от салтовской, где господствует в основном орнаментация зонами, в балкано-дунайской культуре она сплошная. Поле орнамента покрывает на салтовских сосудах всю поверхность, тогда



Карта - схема расположения поселений VIII-X вв. с материалами салтовской и балкано-дунайской культур на левобережье Нижнего Дуная.

1- Рени, 2 - Кирган II (Бужорка), 3 - Орловка, 4 - Нагорное III, 5 - Ренийский I (Совхоз Ренийский I; Ренийский с-з I), 6 - Ренийский II (Совхоз Ренийский II; Ренийский с-з II), 7 - Ренийский V (Совхоз Ренийский V; Ренийский с-з V), 8 - ВладычеиьV, 9 - Владычень III, 10 - Владычень I, 11- Виноградовка II (Виноградовка), 12 - Криничное (Криничное I; Каракуртские сады), 13 - Червоноармейское VII (Кубей V), 14 - Червоноармейское X (Кубей III), 15 - Васильевка VI, 16 - Васильевка II, 17 - Васильевка I, 18 - Сафьяны, 19 - Богатое I (Богатое), 20 - Рыбколхоз "1 Мая" (Рыбпитомник I), 21 - Каменка II, 22 - Утконосовка III, 23 - Малый Катлабух, 24 - Суворово I, 25 - Вершина (Суворово III), 26 - Танев Дулап, 27- Буркуит, 28 - Суворово II, 29 - Камышовка I, 30 - Кирган.

(в скобках даны названия этого же памятника, которые встречались в литературе)

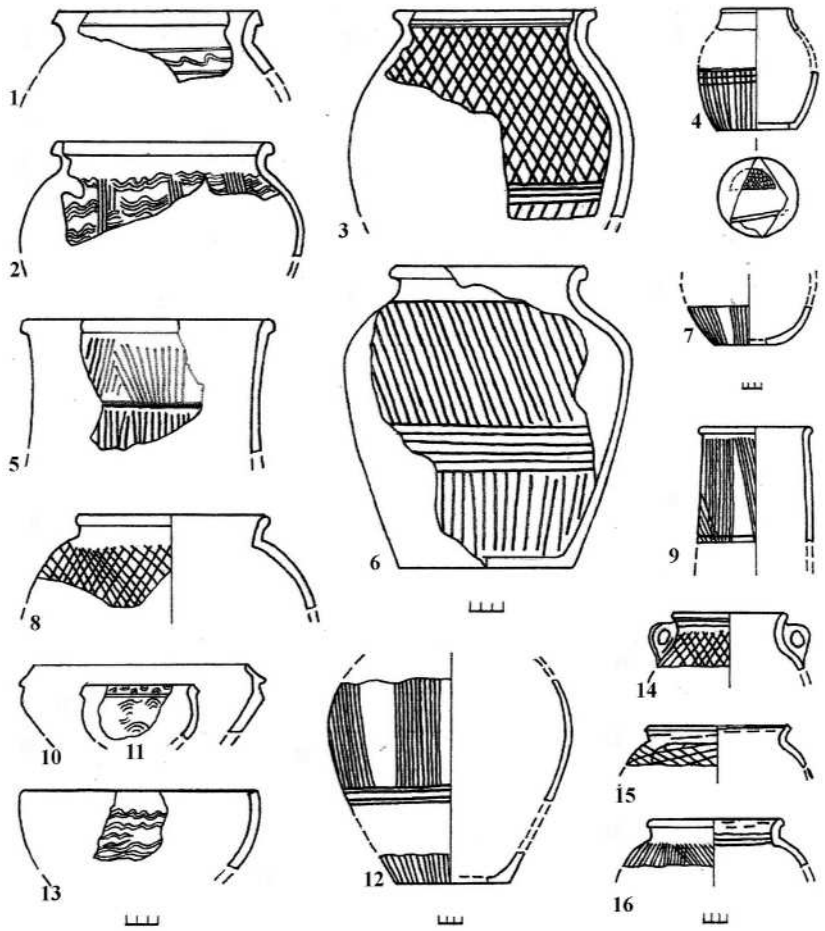


Рис. 2. Характерные типы салтовской керамики с поселений VIII-X вв. Понизовья Дуная: 1-3, 5, 6, 10, 11, 13 -Богатое (по А. Т. Смиленко и А.А. Козловскому); 4, 7, 9, 12, 14-16 - Сафьяны; 8 - Кирган.

как на балкано-дунайских приддонная часть не орнаментируется. Днища в большинстве салтовских сосудов с клеймами не имеют кольцевых выступов – закраин, как на керамике балкано-дунайского типа. Единство по составу глины и степени обжига представляют только одноручные кувшины (?) (Козлов 1987: 83-84).

Принимая общие протоболгарские элементы, как составные обеих культур, главными этнокомпонентами балкано-дунайской культуры, помимо тюркоболгарского, являются – славянские.

Представляется, что культура населения в приморской части Днестро дунайского междуречья, в частности керамика, отражает этнический дуализм в истоках балкано-дунайской культуры: славянский и тюркоболгарский элементы на этапе их синтеза с конца VII по VIII вв.

Список литературы:

Добролюбский А.О., Загинайло А.Г. 1976. Опыт сводного картографирования археологических памятников (на материалах юго-западных районов Одесской области) // Археологические и археографические исследования на территории Южной Украины. – Киев-Одесса.

Козлов В.И. 1987. О материальной культуре оседлого населения Приморской части Днестро-Дунайского междуречья в VIII–X вв. //Новые исследования по археологии Северного Причерноморья. – Киев.

Козлов В.И. 1991. Население степного междуречья Дуная и Днестра конца VIII – начала XI вв.н.э.(балкано-дунайская культура). Автореферат диссертации на соискание учен. степени канд. истр. наук. – Ленинград.

Козлов В.И., Малюкевич А.Е., Субботин Л.В. 2001. Раскопки поселения IX–X вв. Сафьяны близ Дуная.// Старожитности степового Причорномор'я і Криму. Т. IX, Запоріжжя.

Королюк В.Д. 1982. О так называемой «контактной зоне» в Юго Восточной и Центральной Европе периода раннего средневековья // Юго-Восточная Европа в средние века. – Кишинев.

Смиленко А. Т., Козловский А. А. 1987. Поселения у сел Шабо и Богатое

Одесской области // Днестро-Дунайское междуречье в I – начале II тыс. н.э. – Киев.

Смиленко А. Т., Козловский А. А. 1987а. Средневековые поселения в приморской части Днестро-Дунайского междуречья// Днестро-Дунайское междуречье в I – начале II тыс. н.э. – Киев.

Федоров Г. Б., Салманович М. Я. 1970. Этнокультурные комплексы по данным материальной культуры (Исследования в Пруто-Днестровском междуречье) // Вести АН СССР № 8.

Федоров Г.Б., Негруша В.М. 1979. Славяне и Балкано-дунайская археологическая культура \\ Комплексные проблемы истории и культуры народов Центральной и Юго-Восточной Европы (Итоги и перспективы исследований). – М.

Чеботаренко. 1979. К вопросу об этнической принадлежности балкано-дунайской культуры в южной части Прутско-Днестровского междуречья // Этническая история восточных романцев (древность и средние века). – М.

Чеботаренко Г.Ф. 1973. Калфа – городище VIII–X вв. на Днестре. – Кишинев.

Л.В. Седикова
(Севастополь, Украина)

Керамика VIII–IX вв. из Херсонеса

Древний город Херсонес Таврический, известный в средние века как Херсон, просуществовал около двух тысяч лет. Не все периоды его существования одинаково представлены археологическими свидетельствами. За годы существования город неоднократно перестраивался, при этом, не редко слои предшествовавших периодов уничтожались или перемещались. Так материалов, отражающих жизнь города в VIII–IX вв. крайне мало. Керамика указанного периода происходит, в основном, из переотложенных слоев. Исключение составляют гончарные печи, расположенные в подавляющем большинстве, за пределами города. Что касается выявленных и документированных керамических комплексов этого периода на городище, то число их крайне мало. Самым крупным комплексом является засыпь городского водохранилища. К числу относительно узко датированных керамических комплексов относятся засыпи колодца и ямы в общественном здании в Цитадели, засыпь колодца в Портовом районе, а также засыпи цистерны и подвала в Северном районе. Эти комплексы в целом отражают набор керамики, находившейся в употреблении у жителей Херсона в VIII–IX вв.

Подавляющее количество находок принадлежит так называемым амфорам причерноморского типа с мелким зональным рифлением. Одновременно с ними бытовали амфоры, отнесенные нами по форме венчика к нескольким типам. Это амфоры с нависающим подтреугольным венчиком, амфоры с венчиком в виде полувалика,

узкогорлые амфоры и амфоры с широким коротким горлом. Все перечисленные амфоры имеют аналогичную структуру черепка и являются, по всей вероятности, изделиями местного производства.

Менее многочисленную группу составляют так называемые амфоры причерноморского типа с бороздчатым туловом.

К местному производству, вероятно, относятся также тарные сосуды, кувшины – ойнохои с росписью ангобом, а также многочисленные тарелочки и горшочки, представляющие большое разнообразие типов столовой посуды.

Несомненно привозными являются кувшины с плоскими ручками, появившиеся в Херсонесе, по всей вероятности, во второй половине IX в. Местом их производства мог был район Подонья – Приазовья, в том числе Таманское городище.

Византийский импорт представлен небольшой группой белоглиняной поливной посуды (GWWI по Дж. Хейсу) и несколькими экземплярами красноглиняной поливной керамики, датируемой преимущественно VIII в. Во второй половине IX в. в Херсонесе появляется белоглиняная поливная посуда со штампованным орнаментом (GWWII).

Анализ керамического материала из комплексов Херсонеса VIII – IX вв. позволяет говорить о том, что в этот период в городе продолжало развиваться керамическое производство. Импортная керамика VIII – первой половины IX в. представлены крайне немногочисленной группой византийской поливной посуды. Во второй половине IX в. внешняя торговля активизируется. Это проявляется в увеличении количества столичной поливной посуды, а также в появлении тарных сосудов из Подонья – Приазовья.

А.Г. Ситдиков, И.Ю. Мирсияпов
(Казань, Россия)

Керамика салтово-маяцкого истока в материалах Нижнего Поволжья X–XI вв.

Изучение керамики средневековых памятников Нижнего Поволжья имеет обширную историографию. В исследованиях С.А.Плетневой, Т.А.Хлебниковой, И.Н.Васильевой, Н.А.Кокориной и др. 60-90-х годов представлена систематизация керамики Нижнего Поволжья хазарского времени.

В их работах отражена степень исследованности археологических памятников региона на период 80-90-х годов. Наиболее полно керамические комплексы представлены с территории Волжской Болгарии. Районы расположенные южнее в вышеуказанных исследованиях из-за ограниченности археологического материала на период их написания даются фрагментарно.

В 1990-е годы объектом самостоятельного исследования в Самарском Поволжье стали памятники Новинковского типа, увязываемые рядом исследователей с раннеболгарским временем. В 2000-е годы в ходе раскопок на городища Самосделка (X-XIV вв.) были получены новые керамические материалы, которые частично представлены в изданиях последних лет. Большинство материалов Саратовской, Волгоградской, Астраханской областей небольшими публикациями.

С территорией Астраханской области связано 10 объектов археологии, датируемые исследователями домонгольским временем

(городища Самосделка, Мошаик, поселение Кинчали, некрополи Щучье, Посольский, Мошаик, Маячный бугор, местонахождения Паюсное, Алгаза, Черенское). Керамический материал с этих объектов представлен разным по качеству и количеству находками.

Городище Мошаик находится на восточной окраине Астрахани, на правом берегу р. Болда. Территория памятника составляет около 250 га. Центральная часть городища располагается на бэровском бугре высотой 5 м, длиной около 2 км и шириной около 500 м в центральной части. Поверхность бугра находится под застройкой поселка Мошаик. Мощность культурных напластований достигает 2 м. В основном содержащем находки золотоордынского времени. Восточная часть городища расположена в низине. В сборах здесь преобладают фрагменты лепной керамики. С юго-востока к городищу примыкает могильник «Мошаик». С территории городища происходит в основном керамика золотоордынского времени, имеются отдельные находки домонгольского времени (XI-XII вв.). Керамики салтовского времени не выявлено (рис.1).

Поселение Кинчали расположено на бэровском бугре на левом берегу р. Балда в 2,4 км к востоку от реки, в 3 км к югу от села Кинчали. Бугор вытянут по линии запад-восток (500 х 450 м). Подъемный материал распространен на всей площади бугра. Поверхность глинистая, покрыта полупустынной растительностью, отмечены следы предшествующей активной землеустроительной деятельности.

В ходе обследования памятника получен многочисленный керамический материал, датируемый салтово-маяцким и золотоордынского временем.

Местонахождение (поселение) Паюсное расположено на бэровском бугре Паюсный на левом берегу р.Хурдун, в 5,6 км к северо-западу от с.Троицкий. Поверхность памятника относительно ровная, покрыта полупустынной растительностью. Подъемный материал представлен фрагментами мало выразительной лепной посуды. Среди керамических находок имеются обломки красноглиняных амфор причерноморского типа салтовского времени (рис. 2).

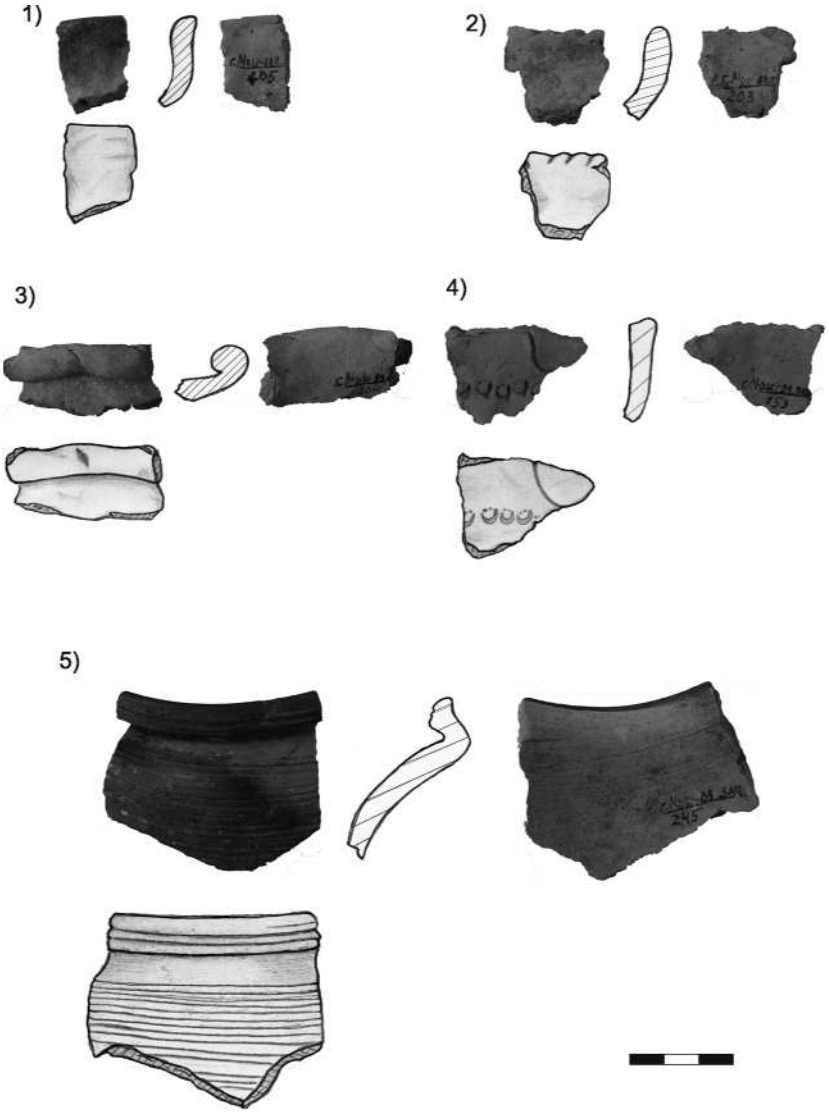


Рис.1. 1-5 - городище Мошаик.

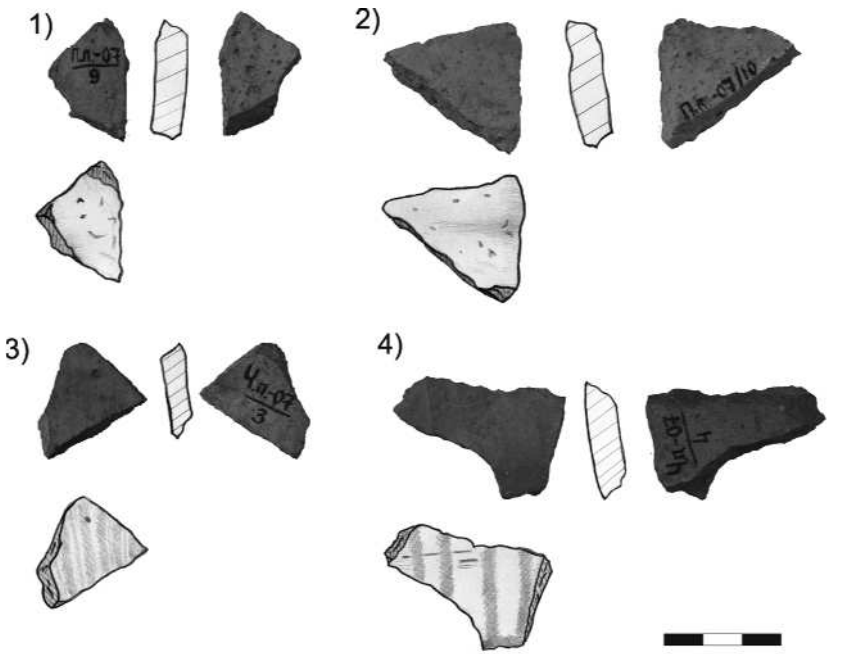


Рис.2. 1-2 - поселение Паюсное, 3-4 - поселение Черенское,

Черенское местонахождение расположено на западной оконечности бугра Черенский на правом берегу р.Бахтемир, в 3,6 км к северо-западу от села Маячное. Керамический материал представлен несколькими сильно фрагментированными обломками глиняной посуды домонгольского времени (рис. 2).

Местонахождение «Алгаза» расположен на бэровском бугре на левом берегу р. Бахтемир, в 3 км к югу от села Алгаза. Бугор ориентирован по линии восток - запад (1400 х 350 м). Культурный слой вымыт. Подъемный материал с памятника представлен 12 фрагментами керамики, среди которых выделяются 5 фрагментов керамики, которые датируются домонгольским временем (рис. 3).

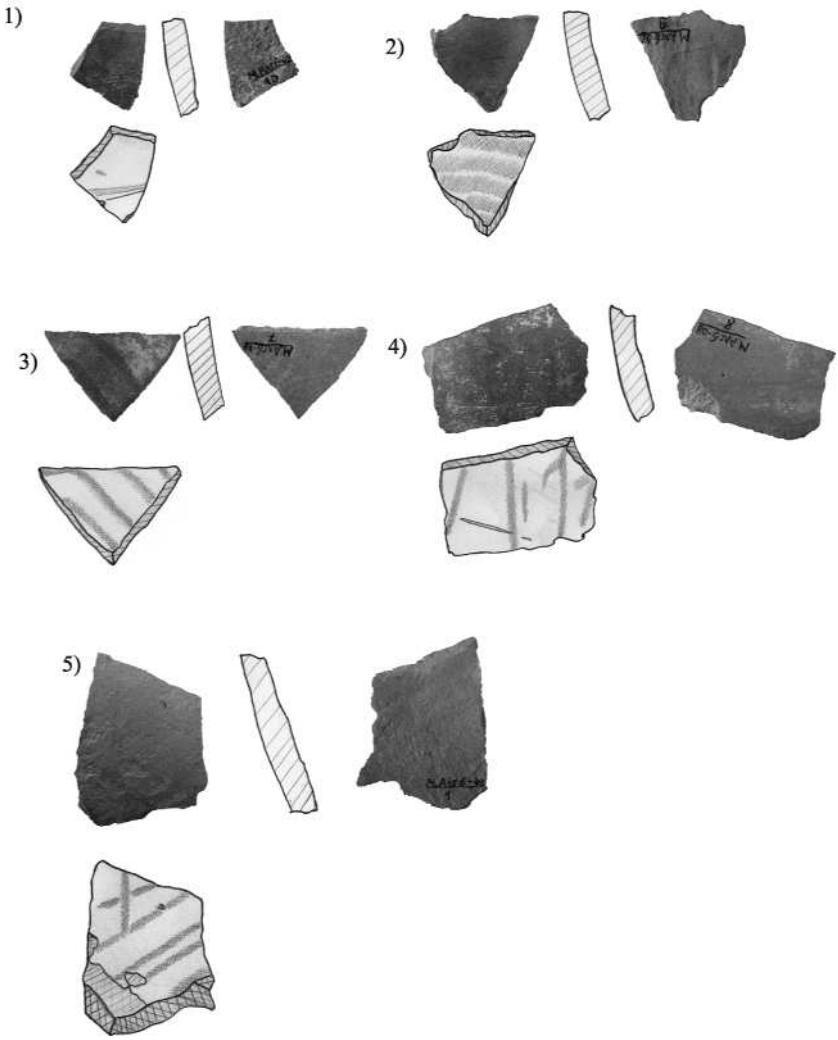


Рис.3. Керамика в салтовских традициях.
Местонахождения Алгаза VI - 2009г.

Могильник Мошаик расположен на бэровском бугре «Татарский» в Приволжском районе на восточной окраине города Астрахани, в у восточной окраины поселка Мошаик на правом берегу реки Прямая Болда, западный край которого частично перекрывается культурными отложениями городища золотоордынского времени. На сегодня исследовано 25 погребений. Из них 7 увязывается с домонгольскми временем. Из этих погребений происходит керамика салтовского облика (рис. 4).

Могильник «бугор «Щучий»» расположен в 3 км к юго-западу от с. Евпраксино, на правом берегу р. Болда. Бугор является возвышенностью естественного происхождения, вытянутой по линии запад – восток (110 х 300 м). К северу от бугра протекает ерик Щучий.

В ходе работ 2002 г. здесь было обнаружено два захоронения. Оба погребения исследователями памятника датируется салтовским временем. В каждом из погребений было обнаружены по два лепных сосуда.

Могильник «бугор «Посольский»» расположен в 1,8 км к северо-западу от с. Веселая Грива, на правом берегу р. Болда. Бугор вытянут по линии запад – восток (1480 х 300 м). В 400 м к северу находится бугор «Щучий», соединенный с бугром «Посольский» дамбой. Восточный склон бугра обрезан карьером и представляет собой отвесный обрыв.

В ходе осмотра бугра в 2002 г. было обнаружено два захоронения, располагавшиеся на крае западного борта карьера, находящегося на восточной вершине. Одно из погребений датируется салтовским временем. В нем были обнаружены два обломка серебряных дирхемов и два лепных сосуда.

Керамический комплекс салтовского круга Астраханской области в целом сопоставим с аналогичным материалом других памятников этой культуры Восточной Европы. Ограниченная изученность, к сожалению, не дает возможности на более широком материале показать общее в изготовлении керамической посуды этого типа. Обращает на себя внимание не значительность поселенческого материала в регионе, обусловленного плохой изученностью имеющего-

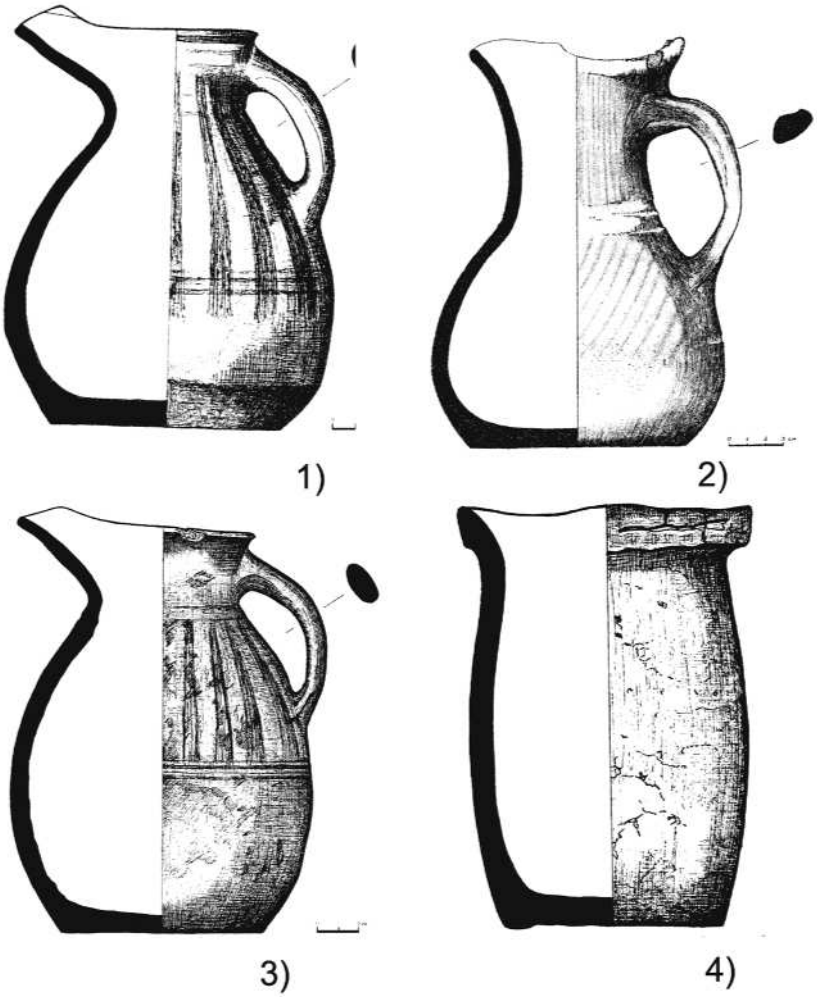


Рис.1. 1-4 - могильник Мошаик

ся немногочисленного круга памятников этого времени. Актуальной задачей является изучение генезиса традиций керамического производства салтовского истока в предмонгольское время.

Д.А. Сташенков
(Самара, Россия)

Керамический комплекс поселений хазарской эпохи в Самаро-Симбирском Поволжье

Хазарская эпоха в Самарско-Симбирском Поволжье представлена прежде всего выразительными погребальными комплексами, связываемыми исследователями с кочевыми группами пришлого для региона населения. Наиболее полно введены в научный оборот материалы исследований памятников новинковского типа, расположенных на Самарской Луке и датирующихся концом VII - VIII вв. (Матвеева, 1997; Багаутдинов и др., 1998; Бражник и др., 2000). К этому же времени относятся комплексы Шиловского и Березовского курганных могильников (Багаутдинов и др., 1998; Скарбовенко, Сташенков, 2000), расположенные к северу от Самарской Луки.

Более поздним временем - второй пол. VIII - IX вв. - датированы исследованные в Симбирском Поволжье курганные могильники Кайбельский (Сташенков, 2003) и Урень II (Багаутдинов и др., 1998), а также погребения мадьярского круга, выявленные в Самарском Поволжье (Матвеева, 1977; Перепелкин, Сташенков, 1995).

Поселения хазарской эпохи пока еще немногочисленны. Типология их была представлена автором в отдельной работе (Сташенков, 2010). Необходимо отметить, что практически все исследованные памятники многослойные, причем горизонт с находками хазарского времени очень тонкий и немногочисленные индивидуальные находки не позволяют дать ему узкую датировку. По этой

причине основным источником для наших исследований является керамический комплекс. Керамика салтово-маяцкого круга в той или иной степени представлена на памятниках четырех из выделенных групп, причем керамический набор на памятниках, расположенных в различных частях Самаро-Симбирского Поволжья, различается между собой.

1) *Памятники Ульяновского левобережья Волги* (городище Чертов городок). При раскопках выявлены немногочисленные фрагменты лепных и подправленных на круге кувшинов салтово-маяцкого (возможно, более корректным в данном случае будет термин «больше-тарханского») типа. Насыщенность культурного слоя находками низкая. Остатки жилых построек не выявлены (Семыкин, 1996; Матвеева, Семыкин, 2007).

2) *Памятники Ульяновского правобережья Волги* (Абрамовское селище, городище Новослободское, городище и селище Новая Беденьга). Памятники многослойные. При раскопках выявлены немногочисленные фрагменты лепных и подправленных на круге сосудов салтовского типа (Семыкин, 1996; Матвеева, Семыкин, 2008; Семыкин, Матвеева, 2010).

3) *Памятники Самарской Луки*. При раскопках на селищах Севрюкаево II, Новый Путь, Малая Рязань VII выявлены фрагменты лепных горшков, орнаментированных защипами и вдавлениями по венчику, фрагменты красноглиняных амфор причерноморского типа, глиняные уплощенные пряслица, фрагменты глиняных сковород с бортиками. Насыщенность культурного слоя находками низкая (Матвеева, 2003; 2005; Матвеева, Скарбовенко, 2005; Вязов, Нерушин, 2010). Остатки жилых построек не выявлены. Предположительная дата памятников – VIII-IX вв. Фрагменты амфор причерноморского типа, которые гипотетически могут конкретизировать дату памятников, имеют широкую датировку (Якобсон, 1979).

Наиболее раннюю хронологическую позицию среди памятников Самарской Луки имеет Жигулевском селище, при исследовании которого найдены предметы, находящие аналогии в погребаль-

ных комплексах новинковского круга (Сташенков, 2010). Важно отметить, что на этом памятнике, единственном из перечисленных выше, отсутствует круговая керамика салтовского облика. Керамический материал представлен фрагментами лепных горшковидных сосудов, с примесью шамота, дресвы и органики в формовочной массе. Отсутствие целых форм и выразительных крупных фрагментов не позволяет провести четкие параллели с материалами конкретных археологических культур. На первом этапе исследования представляется, что по составу формовочной массы и характеру обработки поверхности сосудов собранная керамика имеет определенное сходство с керамикой пеньковской культуры. В то же время присутствие в керамической коллекции венчиков горшковидных сосудов, имеющих специфическую орнаментацию пальцевыми защипами, дает возможность предполагать связь обитателей рассматриваемых поселений с населением, оставившим погребальные комплексы новинковского круга.

На примыкающем с севера к Жигулевскому селищу грунтовом могильнике захоронения совершались по обряду кремации на стороне. Материал из погребений дает возможность уточнить датировку поселения в пределах конца VII-VIII вв. (Сташенков, 2010). Возможно, Жигулевское селище оставлено славянским населением, в функции которого входило обслуживание военизированных новинковских групп. Появление этого населения в Среднем Поволжья в целом можно объяснить целенаправленной политикой хазарской администрации по освоению пограничных территорий каганата.

4) *Памятники Самарского левобережья Волги* (Пролетарское городище, селище Власть Труда). При раскопках Пролетарского городища были найдены фрагменты причерноморских амфор, салтовских подправленных на круге кувшинов вытянутых пропорций, пряслица из стенок салтовских кувшинов, жетоны из стенок амфор. Часть керамического материала находит параллели в западносибирских материалах IX-X вв.

На селище Власть труда найдены фрагменты амфор причерноморского типа, пряслице из стенки подобной амфоры, ременная накладка, стеклянная полихромная бусина. До сих пор не атрибутированной остается лепная горшковидная керамика с примесью шамота и органики в формовочной массе, хорошо представленная на селище.

Среди оставившего памятники Самарского левобережья Волги населения уверенно вычленяются группы, родственные населению салтово-маяцкой культуры, мадьярскому и в целом угорскому населению, имеющему восточное по отношению к Самарскому региону происхождение. Вероятно, оба рассмотренных памятника являются сезонными стоянками. Предположительная дата памятников – IX-X вв.

Кроме того, в этом регионе по разведочным материалам зафиксированы памятники, на которых присутствует керамика роменско-боршевского круга: селища Каменный Брод, Пролетарское (Кочкина, Сташенков, 1999). Предварительно памятники, маркирующие завершающую стадию освоения территории Среднего Поволжья выходцами с территории Хазарского каганата, могут быть датированы в пределах X в.

К этому времени относятся и первые известные стационарные поселения на территории Татарстана, на которых найдена лепная горшковидная керамика салтовского круга (Старостин, 2007).

Подводя итог проведенной работе, можно сделать следующие выводы:

1) Поселения, на которых представлена керамика салтово-маяцкого круга, появляются в Самаро-Симбирском Поволжье не ранее второй половины VIII-IX вв. Признаком для выделения подобных памятников служит присутствие в керамическом комплексе фрагментов круговых кувшинов с поверхностью черного цвета, покрытой полосчатым вертикальным или перекрестным лощением, и фрагментов амфор причерноморского типа. Лепная горшковидная посуда этих памятников изучена недостаточно.

2) Все поселения имеют тонкий культурный слой и являются либо сезонными стойбищами подвижного населения, либо недолговременными ремесленными поселками.

3) Поселения хазарского времени в Среднем Поволжье оставлены смешанным в этническом плане населением. Часть этого населения была родственной носителям салтово-маяцкой культуры. На основании археологических находок можно также говорить о присутствии на исследованных памятниках славянского и угорского населения.

Керамика салтово-маяцкого круга на поселениях Самаро-Симбирского Поволжья -редкая категория находок. Вероятно, она оставлена сравнительно немногочисленным кочевым населением, перманентно оказывавшимся на территории Среднего Поволжья на протяжении VIII-IX вв. Определить исходный район миграции этого населения в рамках общего ареала салтово-маяцкой культуры в настоящий момент не представляется возможным.

Список литературы:

Багаутдинов Р.С., Богачев А.В., Зубов С.Э. Праболгары на Средней Волге. У истоков истории татар Волго-Камья. Самара, 1998.

Бражник О.И., Кирсанов Р.С., Лифанов Н.А. Исследование Шелехметского II курганно-грунтового могильника в 1999 г. //Краеведческие записки. Вып.IX. Самара, 2000.

Вязов Л А., Нерушин И.А. Исследования поселения хазарского времени у с. Малая Рязан на Самарской Луке в 2007-2009 гг. // Культуры евразийских степей второй половины I тысячелетия н.э. (вопросы межэтнических контактов и межкультурного взаимодействия). Самара, 2010.

Кочкина А.Ф., Сташенков Д.А. Исследование мусульманского могильника у д.Пролетарий // Охрана и изучение памятников истории и культуры в Самарской области. Вып.I. Самара, 1999.

Матвеева Г.И. Погребение VIII-IX вв. у разъезда Немчанка // Древности Волго-Камья. Казань, 1977.

Матвеева Г. И. Могильники ранних болгар на Самарской Луке. Самара, 1997.

Матвеева Г.И. Поселения VIII-IX вв. в Среднем Поволжье // Из археологии Поволжья и Приуралья. Казань, 2003.

Матвеева Г.И. К вопросу о седентаризации волжских болгар // Материалы конференции: чтения, посвященные столетию деятельности Василия Алексеевича Городцова в Государственном историческом музее. М., 2005.

Матвеева Г.И., Семыкин Ю.А. Новослободское городище – центр седентаризации раннесредневековых кочевников на территории Ульяновского Поволжья // Материалы четвертой научной конференции, посвященной ученому и краеведу С.Л. Сытину. Ульяновск, 2008.

Матвеева Г.И., Скарбовенко В.А. Новые исследования селища Севрюкаево II // Краеведческие записки. Выпуск XII. Самара, 2005.

Перепелкин С.Б., Сташенков Д.А. Палимовское погребение // Культуры Евразийских степей второй второй половины I тысячелетия н.э. Самара, 1996.

Семыкин Ю.А. К вопросу о поселениях ранних болгар в Среднем Поволжье // Культуры евразийских степей второй половины I тысячелетия н.э. Самара, 1996.

Семыкин Ю.А., Матвеева Г.И. Освоение природных ресурсов, становление и развитие хозяйства у раннесредневекового населения новослободской группы памятников в Сенгилеевском районе Ульяновской области // 40 лет Средневолжской археологической экспедиции. Краеведческие записки. Вып. XV. Самара, 2010.

Скарбовенко В.А., Сташенков Д.А. Березовский курган и его место в системе раннесредневековых древностей Самарского Поволжья // Краеведческие записки. Вып.IX. Самара, 2000.

Старостин П.Н. Остатки древнего Болгара у Малого Иерусалимского оврага // Средневековая археология евразийских степей. Том II. Казань, 2007.

Сташенков Д.А. Раскопки Кайбельского средневекового могильника в 1953-1954 гг. // Вопросы археологии Поволжья. Выпуск 3. Самара, 2003.

Сташенков Д.А. О группах поселений хазарской эпохи в Самаро-Симбирском Поволжье // Культуры евразийских степей второй половины I тысячелетия н.э. (вопросы межэтнических контактов и межкультурного взаимодействия). Самара, 2010.

Якобсон А.Л. Керамика и керамическое производство средневековой Таврии. Л., 1979.

С.В. Ушаков
(Симферополь, Украина)

Керамический комплекс Херсонеса (на примере северо-восточного городского района)

Изучение структуры и особенностей материальной культуры всегда являлось важнейшей частью археологических исследований. Ведущее место здесь чаще всего занимает вещевой (керамический) комплекс. Сказанное без сомнения относиться и к эпохе раннего средневековья Юго-Восточной Европы и Северного Причерноморья. Роль эталонных образцов ранневизантийской материальной культуры в контактной зоне с «варварскими» племенами Причерноморья по своей сохранности и выразительности могут сыграть памятники средневекового Херсона.

За многие годы исследований здесь получен многочисленный и разнообразный материал, позволяющий достаточно подробно охарактеризовать керамику Херсонеса достаточно подробно. При этом нужно не забывать, что основы его научного изучения были заложены А.Л. Якобсоном в его трудах, посвященных Византийскому Херсону (Якобсон, 1953, 1959) как в целом, так и специально его керамике (Якобсон, 1979). Впоследствии они были продолжены полевыми работами Государственного Эрмитажа (Г.Д. Белов, Ю.П. Калашник, В.И. Залесская), Объединенной экспедиции под общим руководством С.Ф. Стржелецкого, а также экспедиций Уральского (А.И. Романчук) и Харьковского (В.И. Кадеев) университетов, Института археологии АН СССР (И.Т. Кругликова, А.В. Сазанов), Херсонесского заповедника (И.А. Антонова, С.Г. Рыжов, М.И. Золотарев, Л.В. Седикова, Л. Голофаст и др.).

В 90-е гг. XX в. экспедиция под руководством М.И. Золотарева продолжила, а в 2004 г. завершила раскопки XCVII жилого квартала, расположенного в Северо-восточном районе городища. Материалы этих раскопок лишь в малой степени нашли свое отражение в научных публикациях. Основой настоящего доклада является рассмотрение керамического комплекса VII-X вв. из раскопок этого во многом типичного городского квартала Херсонеса византийского времени. Начиная с 1991 г. здесь было исследовано 17 средневековых помещений, расположенных вокруг внутриквартального двора (Золотарев, Ушаков, 2004). Для нашей темы имеют значение материалы раскопок, прежде всего это – нижние слои заполнений пом. 2, 7, 9, 10 и засыпи колодца в пом. 12 (рис. 1).

Пом. 2 (размеры 4х4,6 м). Вход в помещение вел с продольной улицы и располагался ближе к юго-восточному углу. С внутренней стороны к юго-восточной стене была пристроена лестница из массивных плит, состоящая из трех ступеней. Эта лестница вела из подвала в цокольный этаж, стены которого к моменту раскопок не сохранились. Из 3-5 слоев засыпи происходит множество находок белоглинянной поливной посуды. Два сосуда представлены целыми формами. Простая столовая и кухонная посуда обычна для херсонесских слоев IX-X вв.: разнообразные кувшины с плоскими ручками (как смоленые, так и нет, изнутри), красноглиняные кувшины с орнаментом в виде вдавлений кружком и валиком по тулову, различные кружальные горшки и т. п. Здесь же – две хорошо сохранившиеся цедилки и дно сосуда с орнаментом, сделанным вдавлением ногтей по наружной грани сосуда. Есть амфоры типа 10 по А. Л. Якобсону.

Пом. 7 (размеры 3х5 метров). В помещении хорошо сохранилась рухнувшая черепичная кровля, которую удалось полностью графически зафиксировать. Крыша состояла из 5-6 типов черепиц, на некоторых из них были метки. На сохранившемся глинобитном полу помещения прослежен слой пожара второй половины X века. Из находок доминируют обломки кувшинов с плоскими ручками (рис. 2, *2,3,8*), фрагменты разнообразной кухонной гончарной и столовой посуды (рис. 2, *1,4-*

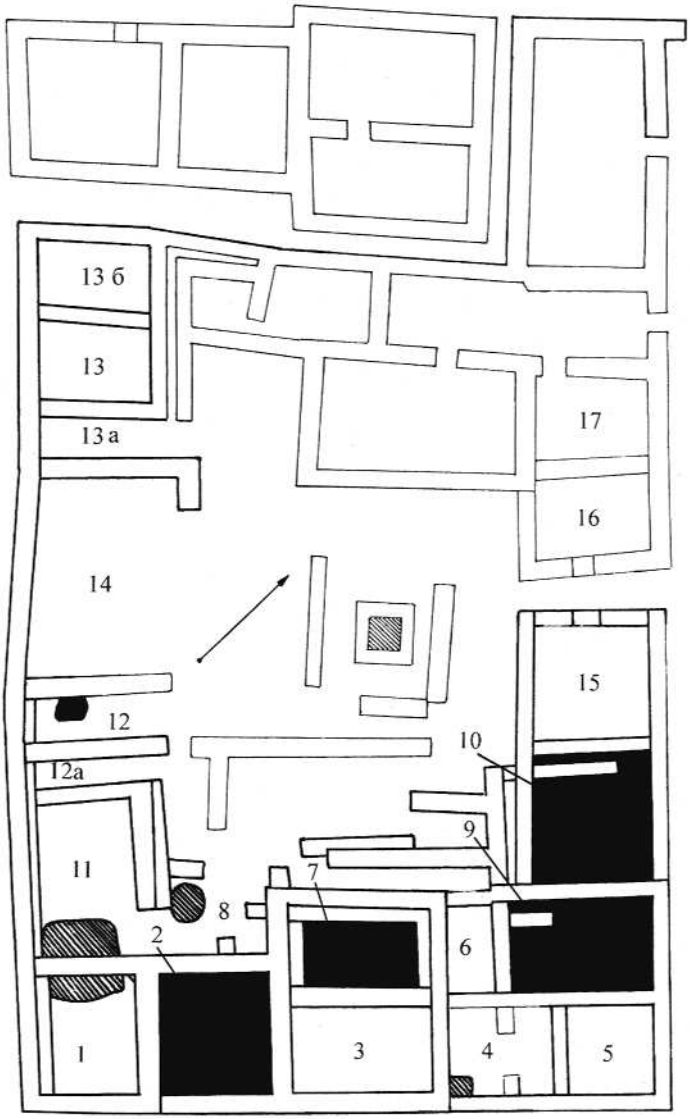


Рис. 1.

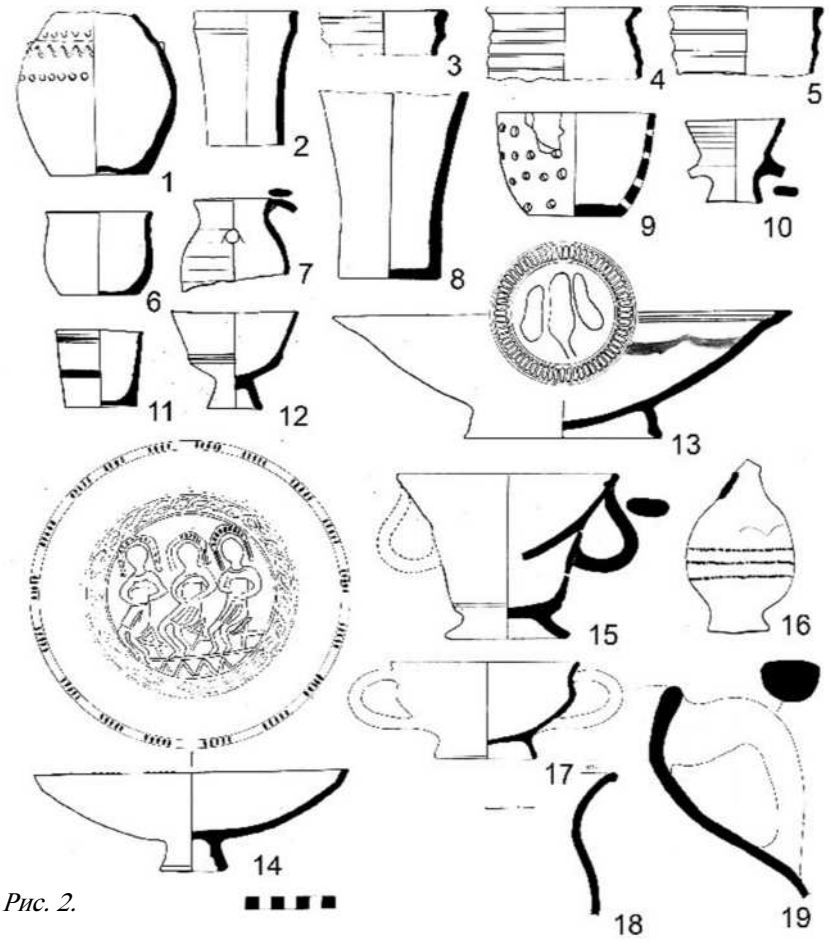


Рис. 2.

7,9-12) (выделено 8 типов, отнесенные нами к продукции местных гончаров). Особенно много белоглинянной поливной керамики (рис. 2, *13-15*). В северном углу помещения под камнем на полу найден клад бронзовых херсоно-византийских монет в количестве 547 штук.

Пом. 9 (внутренние размеры – 3,7х5,7 м). Непосредственно под слоем дерна зафиксированы каменный завал и осколки кро-

вельной черепицы. Непосредственно под ним – прослойка перегоревшего грунта; это еще раз указывает на гибель жилой усадьбы в пожаре в XIII в. Заполнение помещения под полом представляло собой обширную яму, заполненную преимущественно фрагментами кухонной и столовой, в том числе и поливной белоглинянной посуды (рис. 2, *17-19*).

Пом. 10 (размеры 5х6 м). Стратиграфически зафиксированы 2 верхних слоя, каменный завал под ними и ниже 5 слоев засыпи. Основные типы керамики до X в. включительно происходят из третьего слоя. Амфоры – не менее пяти типов сосудов. Простая столовая керамической посуды – крышки, закраины и днища кувшинов разных типов, тарных сосудов и др. Светлоглиняная поливная посуда – тарелки и блюда с так называемым «рельсовидным» бортиком, закрытые сосуды, в том числе и различные курильницы, чаши. Тарные кувшины с так называемыми раструбовидными горлами, ленточными ручками и плоскими донъями – трех типов, в том числе с закраиной клювовидной формы (Ушаков, 2008).

Засыпь колодца в пом. 12. В западном углу помещения была обнаружена обкладка горловины колодца. Изучение особенностей заполнения колодца позволило предположить, что засыпка его была проведена как минимум в два этапа. Верхняя часть относится к XII-XIII вв. Нижняя часть (с глубины 4 м до 10,7 м) - ко времени не позже конца X - начала XI вв. (Золотарев, Коробков, Ушаков, 1998). В этой части засыпи найдены многочисленные фрагменты амфор, кувшины с плоскими ручками, белоглиняная поливная керамика четырех категорий.

Таким образом, раскопки XCVII квартала представлены всем комплексом типичных херсонесских (провинциальных византийских) керамических находок раннесредневекового времени: фрагментами строительной керамики (кровельной черепицы и плинфы), амфор, кухонной гончарной и лепной, поливной (глазурованной) и простой столовой посуды разнообразных форм. В совокупности они могут служить эталонными образцами при рассмотрении материальной культуры Причерноморья средневекового времени.

Ф.Ш. Хузин
(Казань, Россия)

КЕРАМИКА РАННЕБОЛГАРСКОГО НАСЕЛЕНИЯ СРЕДНЕГО ПОВОЛЖЬЯ VIII – X вв.

Одной из актуальных проблем в археологии ранних болгар (праболгар/протоболгар) Юго-Восточной Европы остается выявление и картографирование их археологических памятников путем выделения характерных признаков, присущих разным категориям и группам материальной культуры данного этноса. Одним из информативных источников, которому придается большое значение как одному из определяющих признаков археологической культуры, является керамика – самый массовый материал, добываемый при раскопках практически любого памятника. В историко-археологических исследованиях глиняная посуда используется, прежде всего, как этнический и хронологический индикатор, благодаря постоянно изменяющимся в пространстве и времени их формам, орнаментации, технологии изготовления.

Раннеболгарское население в Среднем Поволжье появилось не ранее конца VII – начала VIII вв. в результате нескольких волн передвижений с юга, причиной которых стали, главным образом, военно-политические события в истории раннесредневекового населения Юго-Восточной Европы. Ранними болгарами, появившимися в лесостепных районах Самарского и Ульяновского Поволжья после распада Великой Болгарии Кубрата, часть исследовате-

лей (Г.И. Матвеева, Р.С. Багаутдинов, Э.С. Зубов, С.А. Плетнева, Ф.Ш. Хузин и др.) считает население, оставившее курганные и грунтовые могильники новинковского типа. Данное утверждение оспаривается другими исследователями (Е.П. Казаков), но никто не сомневается в принадлежности этих могильников тюркоязычному населению.

Раннеболгарские памятники Среднего Поволжья середины VIII – X вв. представлены Кайбельским, Хрящевским (погр. 40), Уреньским, «Золотая Нива», I и II Больше-Тарханскими, Танкеевским, Тетюшским, Кокрятьским, Старо-Майнским грунтовыми могильниками. Первые 6 из перечисленных датируются преимущественно серединой VIII – первой половиной IX в. и относятся к второму этапу истории ранних болгар Среднего Поволжья, мигрировавших с территории населения салтово-маяцкой культуры. Наиболее полно изученным является I Больше-Тарханский могильник. Памятники третьего этапа, датируемые второй половиной IX – первой четвертью X вв. (Танкеевский, Тетюшский, Кокрятьский мог-ки), отличаются своеобразием в погребальной обрядности и инвентаре, присущим финно-угорскому населению Приуралья.

В X в. болгарское население практически полностью переходит к оседлому образу жизни. Ранние поселения волжских болгар, в том числе и города, в нижних горизонтах культурного слоя содержат группы посуды, связанные своими истоками с болгаро-аланским населением салтово-маяцкой культуры.

Керамика ранних болгар Среднего Поволжья стала предметом исследований А.Х. Халикова, Е.П. Казакова (материалы могильников), Т.А. Хлебниковой, Н.А. Кокориной и Ф.Ш. Хузина (материалы поселений), создавших их типологию.

В новинковских могильниках глиняная посуда встречается в небольшом количестве. Наиболее многочисленную группу составляют лепные сосуды с примесью шамота и органики в тесте: горшки, кувшины и миски, как правило, небольших размеров. Горшки находят значительное сходство в формах среди посуды именьков-

ской культуры и раннеболгарских могильников (II этнокультурная группа, по Т.А. Хлебниковой). Кувшинам шамотного теста Г.И. Матвеева указывала аналогии в памятниках Центрального Предкавказья VI–VII вв. Миски с дном, диаметр которого вдвое меньше диаметра горловины, по форме напоминают сарматские.

Немногочисленные гончарные сосуды новинковских могильников представлена сероглиняными кувшинами с полосчатым лощением, со сливом и максимальным размером в нижней части тулова. Ближайшие аналогии им известны в Больше-Тарханском могильнике и памятниках салтово-маяцкой культуры Подонья.

Наибольший интерес представляют материалы Больше-Тарханского могильника – классического памятника ранних болгар Среднего Поволжья середины VIII – первой половины IX в. Общее количество изученных погребений – 358. В составе погребального инвентаря насчитывается 120 сосудов из 101 погребения; 68 из них являются круговыми, 58 – лепными.

Гончарная керамика включает в себя преимущественно кувшинообразные сосуды с наибольшим диаметром тулова в нижней части тулова, изготовленные на ручном круге из глины с примесью мелкого песка и растительности. Цвет сосудов – черный, темно-серый, серо-палевого оттенка, реже – ярко-оранжевый. На их внутренней поверхности сохранились следы ангоба темного, серого и палевого цвета, внешняя поверхность покрыта лощением. А.Х. Халиковым была предложена следующая типология кувшинообразных сосудов: I тип (с 4 разновидностями). Кувшины с широким туловом, суженной высокой горловиной и ручкой, прикрепленной к горловине и верхней половине тулова; II тип – кувшины с небольшой ручкой в виде полукольца, прикрепленного к верхней части тулова; III тип (с 4 разновидностями) – сосуды с низкой широко открытой горловиной и полукруглой ручкой в верхней части тулова («кружки»); IV тип (с 3 разновидностями) – кувшинообразные сосуды («кринки») без ручек. По мнению Т.А. Хлебниковой, круговая кувшинообразная посуда с приземистым туловом из Больше-

Тарханского могильника очень близка к посуде лесостепного (аланского) варианта салтово-мацкой культуры (см. Верхнее-Салтовский, Дмитриевский и др. могильники).

Единственный горшок гончарной выделки с невысоким туловом с примесью обильного песка в тесте украшен двумя парами поясков волнистых линий и горизонтального рифления; отогнутый наружу венчик покрыт слабо углубленными вдавлениями. Ближайшие аналогии он находит в керамике населения степного (болгарского) варианта салтово-маяцкой культуры.

Лепные сосуды I Больше-Тарханского могильника делятся на две группы: горшковидные шамотного или растительного теста и чашевидные. Первые группа, согласно классификации А.Х. Халикова, включает в себя пять типов: I – со слабо раздутым туловом и короткой шейкой, отогнутой наружу; II – низкие горшки с короткой шейкой и сильно раздутым туловом; III – с широко открытой горловиной и сильно суженным дном; IV – с высокой прямой шейкой и сильно раздутым туловом; V – грубо изготовленные баночные сосуды. У всех типов горшков орнамент почти отсутствует, лишь у половины сосудов имеются насечки или пальцевые защипы по краю венчика. Поверхность довольно грубая, иногда со следами заглаживания щепой или травой. Данная группа керамики встречается, как правило, на всех степных поселениях болгар VIII–IX вв. (см., напр., нижние слои Таманского городища, Саркела) и определяется С.А. Плетневой как кочевническая, применявшаяся в быту различных тюркоязычных племен.

Чашевидные сосуды из погребений Больших Тархан (с песком и шамотом в тесте, резным, гребенчатым и веревочным орнаментом по шейке и плечику, нарезкой по венчику) не имеют отношения к болгарам, они принадлежат к финно-угорскому населению Прикамья и Приуралья.

Третий этап истории ранних болгар на Средней Волге находит яркое отражение в материалах Танкеевского могильника, начало функционирования которого относится к середине или второй поло-

вине IX в. Здесь изучено около 1200 погребений, содержавших 580 глиняных сосудов (36% из них – круговые, 64% – лепные), типология которых разработана Е.П. Казаковым. Среди круговой посуды выделяются одноручные кувшины (136 экз.), кувшинообразные сосуды без ручек (4 экз.), кружкообразные сосуды (3 экз.), корчаги (2 экз.), единичными экземплярами представлены амфоровидный сосуд, горшок и трипод. Все они находят ближайшие аналогии в материалах Больше-Тарханского могильника и салтово-маяцких памятников второй половины VIII – начала X вв. Как справедливо подчеркивает Е.П. Казаков, танкеевские кувшины с яйцевидным или округлым туловом являются непосредственным развитием ранней салтовской посуды и датируются уже, скорее всего, второй половиной IX–X вв.

Лепная плоскодонная посуда Танкеевки включает в себя горшки (54 экз.), единичные экземпляры кубышек и кружек, встречающиеся в комплексах Больше-Тарханского и салтовских могильников. Выделяется горшок с многорядной резной волной по плечику, аналогичный кухонной посуде болгар Подонья. Наибольший интерес представляют одноручные кувшины (57 экз.), преимущественно с округлым дном, иногда с примесью толченой раковины и веревочным орнаментом, свидетельствующими об изготовлении их прикамско-приуральским населением в подражание болгарским. Этому же населению принадлежит круглодонная посуда низких пропорций (256 экз.), аналогичные чашевидным сосудам ломоватовско-поломских, сылвенских и кушнаренковских памятников.

В слоях болгарских поселений X в. встречаются в основном фрагменты горшковидных сосудов с примесью песка и шамота, украшенных по плечику многорядной волной, рифлением по тулову и косыми насечками по краю венчика. Они убедительно сопоставляются с кухонной посудой памятников степного (болгарского) и лесостепного (аланского) вариантов салтово-маяцкой культуры.

Содержание

И.А. Аржанцева
Керамический комплекс аланской крепости хазарского времени Горное Эхо на Северном Кавказе 3
Б. Борисов
Модель для обработки массового керамического материала VIII–X вв. 9
С.Г. Бочаров, В.Ю. Коваль
Керамика хазарской эпохи в Восточном Крыму 13
С.И. Валиулина
Лепная и подправленная на круге керамика из 40 и 41 раскопов Билярского городища 20
И.В. Волков
Керамика салтово-маяцкой культуры как этап эволюции гончарной традиции Северного Кавказа I–XV вв. 28
П. Георгиев
Културно-историческото значение на светлоглиненото керамично производство в Плиска (краят на VIII - първа половина на IX век) ... 36
М.В. Ельников
Салтово-маяцкая керамика из Степного Поднепровья и Северо-Западного Приазовья 44
В. Йотов
Новые данные о раннесредневековых болгарских могильниках на территории современной Румынии 48
В.П. Кирилко
Сосуд с дообжиговым рисунком-граффити всадника из раскопок средневековой Фуны 50

Е. Коматарова-Балинова
Керамика Хазарского Каганата (VII–IX вв.)
и проблема идентификации болгарской керамики
в странах Нижнего Дуная (VII–IX вв.) 55
А.Ф. Кочкина
Керамика могильников новинковского типа на Самарской Луке 61
Э.Е. Кравченко
Керамика Сидоровского археологического комплекса 66
А.Н. Масловский
Салтовская керамика левобережья Низовьев Дона 74
Е.Ф. Редина, Л.В. Субботин
Гончарная посуда оседлого населения степного левобережья
Нижнего Дуная VIII–X вв. 80
Л.В. Седикова
Керамика VIII–IX вв. из Херсонеса 90
А.Г. Ситдиков, И.Ю. Мирсияпов
Керамика салтово-маяцкого истока в материалах
Нижнего Поволжья X–XI вв. 92
Д.А. Сташенков
Керамический комплекс поселений хазарской эпохи
в Самаро-Симбирском Поволжье 99
С.В. Ушаков
Керамический комплекс Херсонеса
(на примере северо-восточного городского района) 105
Ф.Ш. Хузин
Керамика раннеболгарского населения
Среднего Поволжья VIII–X вв. 110